

18+

Десять писем к подругам

Майк Логинов

Майк ЛОГИНОВ

**Десять писем
к подругам. Рассказы**

«Издательские решения»

Логинов М.

Десять писем к подругам. Рассказы / М. Логинов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932027-8

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** «Десять писем к подругам» — цикл рассказов о
любви. Герои — наши современники, обычные жители большого города. Они
любят, ревнуют и иногда даже пытаются убить друг друга. Десять любовных
историй с неожиданным финалом. Организация "Meta Inc." запрещена на
территории РФ. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-932027-8

© Логинов М.
© Издательские решения

Содержание

Рассказ	6
День Потапова	10
Встреча	19
Трио	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Десять писем к подругам Рассказы

Майк Логинов

© Майк Логинов, 2021

ISBN 978-5-4493-2027-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Елене

Рассказ

Посвящается Л. Ш.

С вечера у Сергея Петровича разболелся зуб. Всю ночь он ворочался, принимал анальгин, ненадолго засыпал и снова просыпался. Около шести утра Сергей Петрович проснулся и понял, что больше не заснёт. Осторожно, стараясь не разбудить жену, он выбрался из постели и прошёл в гостиную. Хотел включить телевизор, но передумал. Вместо этого подошёл к стоявшему в углу высокому узкому шкафу, спохватился и вернулся на цыпочках в спальню. Достал из тумбочки ключ, пошёл и отпер шкаф. Внутри лежало охотничье ружье. Сергей Петрович вынул его из шкафа и провёл рукой по гладкому деревянному прикладу. Он очень любил это ружье, любил возиться с ним, чистить и смазывать. Когда Сергей Петрович в молодости служил срочную, его всегда ставили в пример другим солдатам за то, что он содержал свой «калашников» в образцовом состоянии. И позже, став офицером, Сергей Петрович всегда тщательно следил за оружием. Он подолгу тренировался в тире и метко стрелял и из пистолета, и из автомата, и из пулемета. А служил Сергей Петрович Трофимов не где-нибудь, а в Главном разведуправлении Министерства обороны. Было это, правда, давно, в советское время. Потом СССР распался, пошли реорганизации, и в середине 90-х годов Сергей Петрович, выслужив пенсию, подал в отставку. Пробовал было заниматься бизнесом, но ничего у него не получилось. И, помыкавшись несколько лет, отставной офицер прибил к охранному агентству, которое организовал его бывший сослуживец. Там и застрял. В то время, о котором идёт речь, Сергей Петрович сторожил богатый дом на Малой Бронной.

Жил Сергей Петрович вдвоём с женой Татьяной. Вместе они были уже лет пятнадцать, но детей им бог не дал. Как-то раз Татьяна завела разговор о том, что можно было бы усыновить ребёнка, но муж этого не одобрил. Он и сам точно не мог сказать, почему, но мысль о том, что в доме появится чужой мальчик или девочка, была ему неприятна. И жена больше никогда к этому не возвращалась. А так жили Сергей и Татьяна хорошо, ссорились редко и всегда по одной и той же причине. Дело в том, что Сергей Петрович был болезненно ревнив, знал за собой этот недостаток, но ничего поделать не мог. Стоило им с женой оказаться в компании, как Сергею сразу начинало казаться, что мужчины бросают на его жену циничные взгляды. Если Таня заговаривала с кем-нибудь, Сергей Петрович внимательно следил за выражением её лица, пытаясь угадать, испытывает ли жена к собеседнику какой-то особый интерес. Если ему казалось, что мужчина Татьяне нравится, он мрачнел и по возвращении домой устраивал жене скандал. После ссоры Сергей Петрович пару дней молчал, потом ему делалось стыдно, и он шёл мириться. Жена его прощала, и супруги жили дальше. В душе Сергей Петрович понимал, что никаких причин подозревать Татьяну у него нет. Она была женщиной спокойной и домашней. В гости и в кино ходила с мужем, а после работы обычно сразу возвращалась домой. Работала жена Сергея Петровича в большой туристической фирме. Начинала менеджером по продажам, а потом получила повышение и стала супервайзером – инспектором, проверявшим работу других сотрудников. Несколько раз в год Татьяна ездила в командировки. Официально – для того, чтобы проконтролировать работу зарубежных офисов или посмотреть отели, которые предлагали компании иностранные партнёры, на самом деле – просто отдохнуть. «Маленький, но приятный бонус», – говорила она мужу. Сам Сергей Петрович был домоседом. Путешествия не любил и искренне удивлялся коллегам, мечтавшим на старости лет купить домик в деревне. Из Москвы Сергей Петрович выезжал обычно два раза в год – в отпуск и на охоту с друзьями...

...Боль не отпускала, и Сергей Петрович подумал, не почистить ли ему ружье, чтобы хоть немного отвлечься. Но оружие было в идеальном порядке, и он, вздохнув, убрал его обратно в шкаф, шкаф запер, а сам пошёл страдать дальше. В девять утра Сергей Петрович позвонил

в стоматологическую клинику, но там сказали, что смогут принять его не раньше пяти. Записавшись на приём, Сергей набрал номер своего напарника Григория и попросил подменить его после обеда. Гриша поворчал, но обещал приехать часа в три.

К пяти вечера Сергей Петрович приехал в клинику. Ему хотелось побыстрее попасть в кабинет к врачу и покончить с мучившей его болью. Но врач был ещё занят, и Сергею Петровичу предложили подождать. Зуб после очередной порции анальгетиков тихонько ныл. Мужчина сел на низкий кожаный диван и стал думать, чем бы заняться. На столике возле дивана лежало несколько журналов, и Сергей Петрович взял один полистать. Почему он взял именно этот журнал? Да просто потому, что тот был новым. Другие, засаленные и обтёрханные, судя по всему, валялись в приёмной не первый месяц. Журнал назывался «Кто». Это был типичный женский глянец. С обложки Сергею Петровичу улыбалась симпатичная девушка в коротком красном платье. Внутри, если верить анонсам, его ждали статьи о безоперационном увеличении груди, о новой эффективной диете, обзор косметических средств по уходу за кожей лица в холодное время года – осень стояла на дворе, а также история развода молодой актрисы, в последнее время много снимавшейся в телесериалах. Сергей Петрович никогда не читал таких журналов и про себя удивлялся, зачем их вообще издают в таких количествах. Мужчина заглянул в конец и чуть не присвистнул – сто пятьдесят тысяч тираж. «Столько хорошей бумаги уходит, – подумал Сергей Петрович. – Жуть!» Он начал листать журнал безо всякой надежды найти что-нибудь интересное. Косметические средства, светские сплетни и гороскопы несколько Сергея Петровича не волновали, и он уже совсем было собрался отложить номер, как вдруг в самом конце наткнулся на рубрику «Читальня». Редакция коротко извещала, что под этой рубрикой в журнале публикуются рассказы молодых писателей. Сергей Петрович не особенно любил читать, а если и брал в руки книгу, то она, как правило, оказывалась детективом. Но здесь выбирать было не из чего. Рассказ назывался «Тысяча миль отовсюду». Имя автора Сергею Петровичу ничего не говорило. Он стал читать и постепенно увлёкся...

...Герой рассказа – репортёр, никогда раньше не писавший о путешествиях, неожиданно получает от туристической фирмы приглашение поехать с группой журналистов на экзотические острова...

...Название страны, в которую отправился герой, оказалось Сергею Петровичу знакомо. Так совпало, что несколько месяцев назад Татьяна тоже возила туда группу. Она рассказывала мужу, что сразу несколько столичных турфирм начали разрабатывать новое направление. Вернулась Татьяна из поездки довольная, острова ей понравились. «Одно плохо, – говорила она, – очень далеко лететь». И слова, вынесенные в название рассказа – «Тысяча миль отовсюду», были девизом на гербе островного государства...

...Сначала герой никуда не хочет ехать. Ведь надо почти на две недели бросить работу, лететь куда-то за тридевять земель, потом «отрабатывать барщину» – писать рекламную статью, вворачивая при всяком удобном случае название щедрой туристической компании. Герою все это делать противно, но он думает: за свои деньги я до этих островов никогда не доберусь, а тут есть шанс, быть может, единственный в жизни, съездить туда за чужой счёт. И он едет. Глубокой ночью такси привозит его в аэропорт Домодедово... В аэропорт Домодедово...

...«Татьяна тоже летела из Домодедово, – подумал Сергей Петрович, – и тоже ночным рейсом»...

...В аэропорту герой знакомится с сотрудницей турфирмы, которая сопровождает группу. Та не обращает на него особого внимания. Она озабочена тем, что несколько человек опаздывают, а те, что уже приехали, норовят разбрестись по магазинам и барам. Как сторожевая собака, женщина пытается сбить бестолковых журналюг в кучу. Наконец, багаж сдан, паспортный контроль пройден, и все загружаются в самолёт. Герой и женщина оказываются в соседних креслах...

...«Все ясно! – решил Сергей Петрович, – сейчас у них будет роман»...

...Мужчина и женщина разговаривают. Сначала он расспрашивает её о работе, потом о том, где она училась. Наконец, следует неизбежный вопрос: «Вы замужем?» Выясняется, что героиня замужем, что детей у неё нет и что её муж – бывший военный...

...Сергей Петрович опустил журнал на колени и откинулся на спинку дивана. Ему стало обидно за мужа героини, которого, как он предполагал, вскоре должны были обмануть. Сергей Петрович вообще не любил читать про супружеские измены и отлично понимал, почему. Он всегда представлял себя на месте обманутого мужа, и от этих мыслей ему делалось нехорошо. Б-р-р-р-р! Сергей Петрович поёжился. Он даже решил дальше не читать, но потом подумал: «А если я ошибаюсь? Вдруг все будет не так, и она не даст этому козлу...» Ему очень захотелось, чтобы рассказ закончился именно так, и он снова стал читать. Однако дальнейшие события оставляли все меньше надежд на благоприятный, с точки зрения Сергея Петровича, исход...

...Путешествие продолжается. Герои все время куда-то едут на автобусах, плывут на паромках и летят на самолётах местных авиалиний. Каждый день их ждёт новый остров, каждую ночь – новый отель. Но в этой круговерти мужчина и женщина не теряют друг друга из виду, стараются быть рядом. Им хорошо вдвоём. Разговоры героев все откровеннее. «Ты когда-нибудь изменяла мужу?» – спрашивает герой, когда они с героиней оказываются на вершине какого-то вулкана и смотрят с высоты на океан. «Нет», – отвечает женщина смущённо. И не понятно, отчего ей неловко – от вопроса или от того, что она такая неопытная...

...«Тьфу!» – подумал Сергей Петрович...

...И вот на третий или на четвёртый день пути мужчина стучится вечером в дверь номера, где живёт его новая знакомая...

...«Ну, вот сейчас», – весь напрягся Сергей Петрович...

...Но нет. Женщина неожиданно заболевает, отравившись какой-то туземной едой. Ей очень плохо. Ни о каком сексе не может быть и речи. Она просит мужчину уйти, она не хочет, чтобы он видел её такой. Но герой не уходит. Он даёт больной лекарство и остаётся дежурить у её постели. Он держит женщину за руку, рассказывает ей смешные истории, читает вслух. А когда героиня засыпает, просто сидит молча и смотрит на неё. И понимает, что впервые за долгое время влюбился. Под утро он тихо уходит...

...Сергей Петрович снова отложил журнал и прикрыл глаза. Он чувствовал, что ему вот-вот откроется какая-то тайна и что лучше не читать дальше. Он хорошо помнил, как Татьяна, вернувшись с островов, среди прочего рассказала, как она отравилась и промучилась целую ночь. Но, к счастью, у одного из членов группы нашлось лекарство, которое буквально за один день поставило её на ноги. Сергей Петрович даже запомнил, как называлось лекарство, – интестопан. Он сидел и думал, что хорошо бы его сейчас вызвали в кабинет и избавили тем самым от необходимости дочитывать. Но врач все был занят, и Сергея Петровича не вызывали. Он стал читать дальше...

...И вот наступает последний вечер. Группа возвращается на главный остров архипелага, в столицу, откуда предстоит лететь в Москву. Путешественники поселяются в отеле под названием «Аттикус»...

...И это название Сергей Петрович знал. Как-то раз Татьяна разыскивала запропастившийся куда-то проездной. Тот никак не желал находиться. Тогда Таня в сердцах вывалила на стол в кухне содержимое своей сумки. Среди ключей, пудрениц и прочей дребедени Сергей увидел визитную карточку, на которой крупными синими буквами было напечатано «Аттикус». «Что это?» – спросил он у жены. – «Что?» – рассеянно переспросила Татьяна. – «Аттикус». – «Ах, „Аттикус“, это – отель», – улыбнулась женщина. И добавила: «Очень хороший. Помнишь, я ездила на острова?»

...После ужина вся компания спускается в бар, чтобы отметить окончание прекрасного путешествия. Мужчина и женщина пьют вино, а потом незаметно уходят. Им хочется побыть

вдвоём. Они гуляют по набережной и спустя полчаса оказываются у дверей номера, где живёт женщина. Секундное замешательство, и они входят в комнату...

...Сергею Петровичу показалось, что он падает куда-то вниз, а что там внизу, неизвестно. Описание любовной сцены было довольно банальным, но Сергею Петровичу было не до стилистических красот...

...Мужчина раздевает женщину. Нежно целует её. Шея, плечи, грудь. На пути к самым нежным местам его губы касаются шрама. Небольшой шрам в нижней части живота, след от операции по удалению аппендикса. Обычный шрам, но рядом ещё один – совсем маленький, похожий на запятую...

...Сергей Петрович знал, откуда взялся этот маленький шрам. Когда Тане было семнадцать, её привезли в больницу с приступом аппендицита. Привезли поздно, воспалившийся отросток лопнул, начинался перитонит. Врачи долго и больно чистили брюшную полость от гноя и поставили девочке специальную дренажную трубку. На этом месте и остался маленький шрам, похожий на запятую...

...Сергей Петрович сидел и пытался припомнить, изменилось ли что-нибудь в его отношениях с женой после её возвращения с островов. Были хоть какие-нибудь намёки, по которым он мог бы догадаться? Нет, не было намёков. Разве только одно: в те дни в постели Татьяна была очень покорной, податливой и с какой-то особенной нежностью спешила удовлетворить все его нехитрые желания. «Как мне теперь с этим жить?» – подумал Сергей Петрович...

...В эту секунду дверь врачебного кабинета распахнулась, и оттуда вышел пациент – лысоватый, дородный мужчина в сером твидовом пиджаке. Он посмотрел на Сергея Петровича и улыбнулся ему немного сочувственно, как человек, который только что пережил что-то неприятное, улыбается человеку, которому неприятное ещё только предстоит. Мужчина подошёл к вешалке и, смешно пыхтя, стал натягивать пальто на своё крупное тело. Из кабинета выглянула молоденькая сестра и посмотрела на Сергея Петровича: «Вы – Трофимов? Проходите...»

...Татьяна Трофимова вернулась домой около девяти часов вечера. Она отперла дверь и вошла в прихожую. В квартире было темно. «Странно, – подумала женщина, – Сережа должен был уже вернуться». Она положила сумку на столик у зеркала, разделась, скинула сапоги и босиком пошла в комнату. Щёлкнула выключателем, обернулась и чуть не вскрикнула. На диване очень прямо сидел Сергей Петрович. Между колен у него было зажато ружье. Рядом на полу стоял стакан и бутылка виски «Белая лошадь». Виски в стакане было на самом дне.

– Господи, Сережа, как ты меня напугал! – воскликнула женщина. – Что ты тут сидишь в темноте с ружьём?

– Здравствуй, Таня, – тихо сказал Сергей Петрович...

...Около девяти вечера сосед Трофимовых Стас Воронин, программист одной из компьютерных фирм, вышел из квартиры, чтобы выбросить мусор. Проходя мимо соседской двери, он услышал громкий хлопок, похожий на выстрел. Стас замер, прислушиваясь, но никаких звуков из-за двери больше не доносилось. Помедлив секунду-другую, он двинулся к лифту...

...Сергей Петрович сам вызвал милицию и сдался властям. Он сознался в убийстве жены и сотрудничал со следствием. Суд учёл это при вынесении приговора.

День Потапова

Посвящается И. Л.

Арина Юрьевна предъявила охраннику пропуск, прошла по узкому коридору и через открытую дверь шагнула в больничный парк. Широкая обсаженная липами аллея вела к главному корпусу – приземистому двухэтажному зданию дореволюционной постройки. Вблизи утренний воздух казался прозрачным, но вдалеке сгушался в туманную дымку, делая контуры предметов размытыми и нечёткими. Было тепло, но вокруг витал уже горьковатый запах сырых опавших листьев, предвещавший осень. Арина Юрьевна шла к главному корпусу, шла, как обычно, не быстро и не медленно, уверенно, не оглядываясь по сторонам. Точно к цели. На женщине был длинный светло-серый плащ и лёгкий серо-голубой шелковый шарф. Большие тёмные очки скрывали половину лица. Слегка подкрашенные волосы без единого седого волоса были красиво уложены. Моложавая, ухоженная, хорошо сохранившаяся женщина. Арина Юрьевна шла к главному корпусу, и каблучки её туфель выстукивали на асфальте чёткое «тук-тук, тук-тук»...

Войдя в вестибюль, Арина Юрьевна сняла очки и сунула их в карман плаща. Затем достала из другого кармана мобильный телефон и отключила звонок. Хотя было уже одиннадцать часов, в холле никого не было, только за стойкой регистратуры тихо переговаривались о чем-то две медицинские сестры. Когда Арина Юрьевна вошла, они на секунду прервали разговор и вопросительно посмотрели на гостью.

– Я – в неврологию, – бросила Арина Юрьевна и свернула направо, в длинный коридор, уходивший вглубь здания. Судя по всему, дорога была ей хороша знакома. С левой стороны коридора тянулись окна, через которые был виден парк, с правой – двери с табличками «кладовая», «старшая сестра», «ординаторская». Потом пошли двери с номерами, – палаты неврологического отделения. Эта часть больницы вид имела довольно унылый. Но Арине Юрьевне надо было не сюда. Она дошла до конца коридора и свернула налево – в переход, соединявший старый корпус с другим, недавно построенным. Новое здание было чище и свежее. Большие окна пропускали много света, на полу лежал не вытертый линолеум, а хорошая плитка, двери палат не глухие деревянные, а с матовыми стёклами. Здесь не было того ощущения безнадёжности, которое царило в старом корпусе. Даже запах здесь был какой-то иной, приятный. Обычно лечились в новом корпусе всякие шишки, люди с положением и деньгами. Часть палат была платной.

Арина Юрьевна подошла к стойке, за которой сидела дежурная, молодая симпатичная девушка в накрахмаленном халатике и аккуратной белой шапочке.

– Здравствуйте, Арина Юрьевна, – сказала девушка.

– Здравствуйте, Лиза, – приветливо ответила ей посетительница.

Она знала девушку в лицо, но имени, конечно, не помнила, и сейчас просто прочитала его на бейджике.

– Скажите, а где Ольга Константиновна? – спросила Арина Юрьевна медсестру.

– В 17-й палате, она вас ждёт, – ответила та.

– Спасибо.

Арина Юрьевна миновала ещё несколько дверей и остановилась у палаты под номером 17. Пару секунд она постояла, как человек, которому предстояло войти в холодную воду, поправила шарф на шее и нажала ручку.

Комната, в которую попала Арина Юрьевна, была просторной одноместной палатой. Кровать, шкаф, тумбочка, письменный стол у окна, пара стульев, а справа – в небольшом углублении – мягкое кресло и подставка с большим ЖК-телевизором. На окне две пары занавесок –

лёгкие и более плотные. Если бы не преобладание больничного белого цвета, комнату можно было принять за гостиничный номер.

Когда Арина Юрьевна вошла, в палате находились три человека. Заведующая отделением Ольга Константиновна, невысокая пухлая блондинка лет сорока, стояла возле кровати и наблюдала за тем, как медсестра хлопочет вокруг мужчины, сидевшего в инвалидном кресле. Мужчина был в махровом халате, надетом поверх полосатой больничной пижамы, на ногах у него были большие уютные, отделанные мехом тапочки. Лет мужчине было пятьдесят или около того, он был худ и вид имел болезненный: щеки запали, нос заострился, на голове сквозь поредевшие седоватые волосы была видна бледная кожа. Мужчина сидел очень прямо, положив руки на подлокотники кресла, и неотрывно смотрел в одну точку перед собой. Все происходившее вокруг его совершенно не интересовало.

Заведующая Ольга Константиновна, услышав звук открываемой двери, обернулась.

– Здравствуйте, Ариночка! – заулыбалась она гостье. – Как ваши дела?

Арину Юрьевну, не терпевшую фамильярности, передёрнуло. «Убить бы тебя за Ариночку», – подумала она, но виду не подала.

– Здравствуйте, Ольга Константиновна, – проговорила она спокойно, – все хорошо, спасибо.

– Вы хотите побыть с Ярославом Николаевичем здесь? – спросила заведующая. – Или может быть в холле?

Арина Юрьевна на секунду задумалась.

– Я с ним погуляю, – наконец произнесла она, – посижу на воздухе. Это можно устроить?

– Конечно, конечно, – захлопотала Ольга Константиновна.

– Марина, – обратилась она к медсестре, – накройте Ярославу Николаевичу плечи одеялом и наденьте ему на голову шапочку.

– Не надо шапочку, – сказала Арина Юрьевна, – там не холодно, а одеяло на всякий случай давайте.

– Хорошо-хорошо, я сейчас позову Павла Сергеевича, – прошебетала Ольга Константиновна и вышла из палаты.

Сестра Марина достала из шкафа мягкое коричневое одеяло и набросила его на плечи больного. Тот не шелохнулся. Арина Юрьевна подошла к мужчине и осторожно провела рукой по его щеке. Лицо больного было чисто выбрито. «По крайней мере, они за ним смотрят», – подумала она.

В этот момент в палату вернулась Ольга Константиновна. Вместе с ней пришёл дюжий санитар в длинном халате и тяжёлых ботинках.

– Вот, Павел Сергеевич, будьте добры, отвезите Ярослава Николаевича в парк... Арина Юрьевна, где бы вы хотели посидеть?..

– Около фонтана... там скамейки есть, – ответила Арина Юрьевна.

Санитар обошёл кресло с мужчиной, взялся за ручки и покатыл его из палаты.

– Скажите, Ольга Константиновна, а когда у вас обед? – повернулась Арина Юрьевна к заведующей.

– В два часа.

– Извините, а можно сейчас что-нибудь приготовить?

– Простите?

– Ну, суп какой-нибудь, кашу, – произнесла Арина, глядя вслед удаляющемуся санитару, – я хочу его покормить.

– Я все сделаю, – закивала Ольга Константиновна, – не волнуйтесь!

Арина Юрьевна пошла было к двери, но потом остановилась и пристально посмотрела на заведующую.

– Ольга Константиновна, он действительно ничего не помнит? – спросила она.

- Увы, Арина Юрьевна, ничего, – посерьёзнела докторица.
- И никого не узнает?
- Нет. Полная амнезия.

Арина Юрьевна развернулась и вышла из комнаты.

В дальнем углу больничного парка две аллеи сходились, образуя небольшую круглую площадку, в центре которой располагался фонтан. Вокруг фонтана стояли четыре деревянные скамейки. Арина Юрьевна никогда не видела, чтобы фонтан работал, и вообще сомневалась, что к нему подведена вода. Но место это ей нравилось, здесь было тихо и уютно. Санитар подкатил кресло к одной из скамеек и поправил одеяло, которым был укрыт безмолвный мужчина.

– Спасибо, – сказала Арина Юрьевна, – вы можете идти.

Павел Сергеевич молча кивнул и удалился.

Арина Юрьевна села на скамейку и погладила мужчину по голове.

– Ну, здравствуй, Потапов, – сказала она, обращаясь к человеку, сидевшему в кресле. – Как ты себя чувствуешь?

Никакой реакции не последовало. Мужчина по-прежнему сидел в кресле совершенно неподвижно, и только налетевший лёгкий ветерок пошевелил его редкие волосы. Арина Юрьевна взяла руку мужчины, погладила его пальцы и неожиданно порывисто прижала их к своим губам. Мужчина как будто что-то почувствовал, голова его чуть дрогнула, но взгляд оставался таким же бессмысленным, как и прежде. Арина Юрьевна бережно положила руку мужчины на подлокотник кресла. Лицо женщины, до этого закрытое и надменное, смягчилось и словно осветилось изнутри. В глазах её стояли слезы, но она сдержалась и не заплакала. Наоборот, улыбнулась и снова погладила мужчину по голове.

– Давай поговорим, Потапов, – произнесла она, глядя в его тёмные карие глаза.

– Ты изменился, но глаза у тебя такие же... Ты меня слышишь? Что ты слышишь, Потапов? А? Ты, правда, ничего не помнишь? Ничего не понимаешь? Ничего-ничего?

Мужчина молчал.

– А помнишь, Потапов, как мы познакомились? На втором курсе. Игорь тогда только начал за мной ухаживать. Он сказал, что у него есть приятель, который по вечерам подрабатывает гардеробщиком в театре и может достать контрамарку. Я тогда ещё подумала: «Прикольно!». И мы отправились к тебе в театр... Ты мне сразу понравился, Потапов. После спектакля ты, конечно, выдал нам пальто без очереди. Но я предложила Игорю тебя подождать... И мы тебя ждали, а потом втроём шли поздним вечером по Сретенке и болтали о всякой ерунде и смеялись... Было холодно, зима, но мы ничего не замечали. Тогда я, наверное, и влюбилась в тебя, Потапов.

Арина Юрьевна поправила одеяло.

– Тебе не холодно? Ты чувствуешь холод? Ты вообще что-нибудь чувствуешь? Как это может быть? Ты был живой человек, умный, весёлый, нежный... А теперь? Теперь ты кто, Потапов?

Губы её задрожали, но она снова взяла себя в руки.

– После того вечера я стала требовать от Игоря, чтобы он тебя всегда приглашал на вечеринки, на концерты, куда мы с ним собирались... Он страшно злился, ревновал, но отказать мне не мог. И я мечтала, что ты однажды ты меня пригласишь...

Мужчина продолжал сидеть совершенно неподвижно. Арина Юрьевна снова погладила его по руке.

– И ты меня пригласил. В пиццерию на Кутузовском проспекте. Это была первая настоящая пиццерия в Москве, и желающих отведать итальянской еды было много, у дверей выстроилась длинная очередь. Холод стоял собачий, а мы ждали долго – часа два, не меньше – и основательно продрогли. Ты страшно психовал, боялся, что мы до закрытия не успеем. А мне было просто хорошо стоять, прижавшись к тебе. Уже стемнело, когда нас, наконец, пустили. Мы

оказались за одним столиком с другой молодой парой – они выдержали очередь вместе с нами. И все мы испытывали огромное облегчение от того, что наши жертвы оказались не напрасны. Мы были в тепле, жизнь была прекрасна, и все любили друг друга. А тут ещё принесли вина... Настоящего итальянского вина. И мы, замершие и голодные, приняли на грудь грамм по двести красного, и стало совсем хорошо! И мы за столом все перезнакомились и стали говорить друг другу всякие приятные вещи. И наши соседи сказали, что мы с тобой, Потапов, – красивая пара. И мы не возражали. И говорили в ответ какие-то комплименты. А потом принесли еду – это была такая закрытая пицца с сыром и ветчиной, кажется, она называется «кальцоне». И мы поели, и стало так хорошо, что просто и описать невозможно...

Меж тем осенний день вступал в свои права. Туман окончательно рассеялся, и сквозь жидкие облачка пробивалось солнце. На дорожках парка появились люди – неспешно гуляющие пациенты и деловито спешащие куда-то врачи. Вдалеке по подъездной дороге прошуршал автомобиль скорой помощи. Но Арина Юрьевна ничего этого не замечала, она была там, в мартовском вечере 83-го года...

– А потом мы вышли хмельные на улицу и вдохнули морозного воздуха. И ты вызвался меня проводить домой, Потапов. И я согласилась. И ты остановил мотор. Эдакий студенческий шик! Хотя денег у тебя было совсем мало, я знаю. Но ты умел тратить последние копейки с таким видом, как будто в кармане у тебя был миллион... И мы поехали. В тот день моих родителей не было дома, они уехали куда-то отдыхать, и я пригласила тебя подняться... Я ничего такого не имела в виду, Потапов, честное слово. Я же была девственницей! Просто мне было хорошо с тобой и не хотелось расставаться. А ты подумал, что я тащу тебя в койку и стал ко мне приставать. А я не могла, Потапов, правда, не могла. Я была так воспитана, что первым мужчиной у женщины должен быть законный муж. Я хотела тебя, но не могла... Понимаешь? А ты на меня обиделся. Была уже глубокая ночь, метро не работало, и я оставила тебя ночевать. Помнишь? Я постелила тебе в гостиной, а сама легла в своей комнате. Долго не могла уснуть, все ворочалась, думала... Знаешь, Потапов, в какой-то момент я готова была побежать в гостиную, нырнуть к тебе под одеяло, прижаться, и будь, что будет. Но так и не решилась...

В конце аллеи, которая вела к фонтану, показалась медсестра Марина в наброшенном на плечи пальто. Она катила перед собой тележку, на которой стоял поднос, накрытый большим металлическим колпаком.

– Обед для Ярослава Николаевича, – проговорила она, подойдя к скамейке, на которой сидела Арина Юрьевна.

– Спасибо, Марина, – сказала женщина.

– Может быть, вам помочь, Арина Юрьевна? – спросила медсестра.

– Нет, спасибо, я справлюсь.

Марина ушла, а Арина Юрьевна сняла металлический колпак и положила его рядом с собой на скамейку. Под колпаком оказалась миска с супом, тарелка, на которой лежала куриная котлетка и немного жидкого картофельного пюре, и стакан компота.

– Если честно, Потапов, я никогда не кормила человека, потерявшего память, – сказала Арина Юрьевна, повязывая мужчине салфетку. – Надеюсь, ты помнишь, как глотать пищу?

Арина Юрьевна набрала в ложку немного супа и попробовала.

– Это – щи, Потапов, довольно вкусные, – сказала она и поднесла ложку ко рту мужчины.

Первая попытка оказалась не очень удачной, почти все содержимое ложки вылилось большому на халат.

– Попробуем ещё раз, – терпеливо сказала Арина Юрьевна и зачерпнула ложкой немного бульона.

На этот раз ей удалось ловко влить жидкость в рот мужчине, не пролив ни капли. Она увидела, как дёрнулся его кадык, он проглотил еду.

– Ну, дело пойдёт, – с улыбкой произнесла женщина, – всё будет хорошо, Потапов, всё будет хорошо.

Скормив мужчине почти всю миску, Арина Юрьевна вытерла ему рот и продолжила свой монолог.

– Но ты обиделся на меня, Потапов. И мы стали отдаляться друг от друга... А потом ты влюбился в эту дуру Медникову, рыбу холодную. Букеты ей таскал! Подждал после занятий с глупым видом. А ей ты даром был не нужен! Она бывало, как увидит тебя с цветками, так глаза и закатывает: «О господи, опять этот...» Весь факультет над тобой смеялся. А мне хотелось Медниковой в рожу вцепиться.

Арина Юрьевна замолчала и перевела дух. Потом взяла ложкой немного пюре и поднесла ко рту пациента. Тот послушно проглотил еду.

– А мне ты потом прислал письмо. Удивительно деликатный поступок! Объяснился. Написал, что так и так – прости, полюбил другую. А то я не знала! Да я, Потапов, всё про тебя знала. Как я ревела над этим твоим письмом, разорвала его на мелкие кусочки...

Арина помолчала, потом заговорила спокойнее:

– Вру я, Потапов. Ничего я не разорвала, цело твоё письмо, хранится в надёжном месте. Женщина снова замолчала, потом спросила:

– Хочешь пить, Потапов?

Она взяла стакан и дала больному немного компота. Тот сделал большой глоток, пролив несколько капель на салфетку.

– Ну, вот, и хорошо... А через год Игорь сделал мне предложение. И я согласилась. Свадьба была назначена на 5 сентября, а 2-го или 3-го числа ты позвонил. Ты звонил из какого-то автомата, было плохо слышно. Ты предложил встретиться, а я в ответ заявила, что выхожу замуж. А ты как будто не услышал и продолжал твердить, что тебе обязательно надо меня увидеть. Я начала злиться. «У меня свадьба! – кричала я тебе. – Я занята!» А ты все повторял, что тебе нужно только десять минут, десять минут... Дурак ты, Потапов! Пока я была свободна, ты другой цветы таскал, а как только я решила устроить свою личную жизнь, так тут же тебе потребовалось меня видеть. Балбес!

Арина Юрьевна скормила мужчине ещё несколько ложек пюре, потом отломил маленький кусочек котлеты и с некоторой опаской вложила его мужчине в рот. Но больной справился и с твёрдой пищей.

– Наконец, я сдалась. Я сказала, что единственное время, когда смогу тебя увидеть, – это утро в день свадьбы... Ты спросил «где?». Где-где? Дома у меня, конечно. В той самой квартире, где мы с тобой едва не трахнулись. Это было странное зрелище, Потапов, я этого никогда не забуду. Какой-то бред! Квартира невесты за несколько часов до бракосочетания. Мама, её сестра – моя тётя, мои подруги – все носятся по комнатам, что-то глядят и что-то пришивают. Я в наполовину готовом свадебном платье на булавках и с розой в волосах. И вот среди этого хаоса появляешься ты, бывший ухажёр невесты. Трудно себе представить фигуру менее уместную в этот радостный день. Но ладно если бы ты просто зашёл на минутку поздравить свою подругу и пожелать ей счастья. Так нет! Ты отозвал меня в сторонку и начал нести сущую околесицу. Ты вдруг предложил мне бросить жениха и бежать из-под венца! Куда!? Оказывается, ты все продумал. Ты говорил про какого-то своего друга, который был тебе чем-то обязан и предоставил в твоё распоряжение квартиру. И мы согласно твоему плану должны были укрыться в этой самой квартире. Укрыться! От кого? От погони? Я смотрела на тебя и думала, что у тебя крыша поехала. Но это вовсе не значило, что и окружавшие тебя люди должны были сойти с ума. Никто никуда не побежал, Потапов. Свадьба состоялась.

Арина Юрьевна накрыла тарелки с остатками еды металлическим колпаком и отодвинула столик в сторону. Аккуратно сложила салфетку и положила рядом с собой на скамейку.

– Я потом, Потапов, жалела, что не сбежала. Мне не хватило... безумства. Ресторан заказан, гости приглашены. Как это все можно было бросить? Да и Игоря стало жалко...

В кармане у женщины завибрировал телефон. Она вынула трубку, мельком глянула на дисплей и дала отбой.

– В нашей жизни с Игорем было разное. Но самое хорошее, что случилось, – родился Венька. Он славный мальчик, Потапов. Мне удалось его не испортить. Ты его знаешь... Вы знакомы. Мы однажды пообедали все вместе несколько лет назад. Он тогда был ещё студентом. Вы разговаривали, смеялись... Помнишь, Потапов? Не помнишь.

Женщина погладила мужчину по щеке.

– А через пять лет мы с тобой снова встретились. Ты позвонил, чтобы поздравить меня с днём рождения. Мы болтали как ни в чем не бывало... Хи-хи... Ха-ха... Как дела?... А у тебя?... Ты где сейчас работаешь?... А ты где?... Как муж?... Объялся груш. Нет-нет, это шутка, муж нормально. А ты не женился?... Нет, один как перст... А живёшь там же – на Плющихе?... Н-е-е-т, я теперь на ВДНХ... Опять в коммуналке?... Ха, подымай выше – в отдельной двухкомнатной квартире... Ого! Надо приехать к тебе в гости, посмотреть, как ты устроился... Приезжай... И приеду... Приезжай!.. И приеду!.. И я приехала. Это был серый зимний день, каких бывает много. Мы сидели с тобой на кухне и пили чай. А потом ты опять стал ко мне приставать. После стольких лет, после всего, что было... И я так тебя захотела, Потапов! Как же я тебя захотела! Но я не могла в тот день. У меня были месячные, живот побаливал. А ты опять обиделся. Как тогда, в 83-м. В этом было что-то комическое. Но в тот момент ты был не способен это оценить. Ты надулся, как мышь на крупу. Я поняла, что если я сейчас уйду, то мы уже никогда не увидимся. Я уже стояла одетая в прихожей, пришло время прощаться. И я... Я взяла тебя за грудки, чуть было не приподняла над полом и притиснула к входной двери. И сказала: «Обещай мне, что ты ещё раз пригласишь меня в гости. Слышишь? Обещай!» Сначала ты совершенно обалдел, но потом в твоих глазах, наконец, мелькнуло какое-то понимание. «Да-да, конечно, – пролепетал ты, – приезжай...» Это – одно из самых хороших воспоминаний в моей жизни, Потапов.

В кармане у Арины Юрьевны снова зажужжал телефон. Женщина отключила его, не вынимая.

– Я приехала к тебе через три дня. И мы впервые были вместе. А потом стали встречаться. Один раз в неделю, два, иногда три. Мне было трудно, Потапов, трудно выкраивать время для наших свиданий. У меня была семья, маленький ребёнок, работа. Я тогда уже работала в банке. Мне приходилось все время изворачиваться и врать. Врать мужу, врать сослуживцам, даже сыну мне приходилось врать... Это были десять месяцев непрерывного вранья. Если бы я была Пиноккио, Потапов, нос у меня был бы метра три. На работе вдруг начались какие-то вечерние совещания, неожиданные выезды к клиентам в область, сверхурочные. Я вдруг вспомнила и начала навещать каких-то тётушек, бабушек, подруг детства. Я была так изобретательна, Потапов. Мой мозг работал, как бортовой компьютер, он рассчитывал время и прокладывал маршрут, он выгадывал десять минут здесь и полчаса там, чтобы вечером или днём я могла провести с тобой час или два... Но ты знаешь, Потапов, я не испытывала никаких угрызений совести, никаких сомнений, потому что я любила тебя. Единственное, о чем я жалела, это то, что я не могла ночевать у тебя. Нет, не из-за Игоря, наш брак уже шёл ко дну, из-за Веньки... Он всегда ждал, когда я приеду и зайду пожелать ему спокойной ночи.

Арина Юрьевна встала, чтобы поправить одеяло, которым был укрыт мужчина. Когда она положила ему руки на плечи, он едва заметно вздрогнул и повернул голову, словно хотел увидеть, кто там у него за спиной. Арина Юрьевна поспешно села на скамейку и заглянула больному в глаза. Но там по-прежнему была пустота.

– А однажды я едва не прокололась. Точнее, я прокололась, Потапов, просто Игорь не стал устраивать скандала. Помнишь, осенью, в начале сентября, ты простудился и лежал

дома с высокой температурой? Ты даже по телефону не мог разговаривать, у тебя голос пропал, ты сипел что-то в трубку. Я ринулась к тебе. Ты был всегда такой сильный, уверенный, а теперь лежал совершенно больной, несчастный, беспомощный. И я любила тебя такого, наверное, сильнее, чем здорового. Я поменяла тебе постельное белье, приготовила чай с малиной, а потом... Потом я разделась догола и легла с тобой. Мы лежали рядом под одеялом, и я что-то рассказывала тебе – о работе, о Веньке, ещё о ком-то. Я вдруг представила себе, что ты мой муж и что это мой дом и что мне не надо никуда идти. Я гладила тебя и вдруг почувствовала, что у тебя встал. И я легла сверху, накрыла тебя своим телом и оттрахала, как следует... Это было так сладко! А ты лежал подо мной мокрый, как мышь. Я встала, завернула тебя, как ребёнка, в сухое. И ты уснул – спокойный, а я опять прилегла рядом. Просто так, на минуточку... Я проснулась от ужаса. За окном было темно, я посмотрела на часы – был двенадцатый час ночи. Я вскочила, начала одеваться, стараясь не разбудить тебя, выбежала из квартиры, помчалась домой. Я бежала, что было мочи. Почему-то мне казалось, что если я приеду до полуночи, это будет ещё вечер, а если после, то ночь. И спрос с меня будет совсем другой. Я вошла в дом в десять минут первого. Венька давно уже спал, в прихожей меня встретил Игорь. Внутренне я была готова ко всему, думала, он станет кричать, требовать объяснений. Но он ничего не сказал, просто повернулся и ушёл к себе в кабинет... Ты знаешь, Потапов, я теперь думаю, что, если бы он начал тогда орать, я бы ему тут же всё выложила. Всё! А на следующий день собрала бы вещи, взяла бы Веньку и ушла. И, может быть, наша жизнь сложилась бы тогда иначе... А так все осталось по-старому. И я про себя радовалась, что все обошлось. Я даже не стала тебе ничего рассказывать. И мы ещё три месяца встречались. А потом ты меня бросил. Это было в декабре. Холодный снежный вечер в декабре. Мы стояли на улице возле моего дома. Я не помню весь разговор, помню только, что я спросила: «Значит, мы не будем больше встречаться?» И ты коротко ответил: «Нет». Ты встретил другую женщину, Потапов. Эту суку крашеную! Я даже не хочу называть её имени. У неё может быть только одно имя – дрянь! Как ты не понимал этого, Потапов? Ты такой умный человек, который все всегда понимал, все так тонко чувствовал. Как ты не раскусил её? Ей нужны были деньги, ничего, кроме денег. И как только на горизонте показался богатенький мужичок, она тебя сразу бросила. Выкинула за дверь, как щенка. Я не шпионила за тобой, Потапов, честное слово! Не пыталась ничего узнать... Это пришло само... Всегда находятся доброхоты, которые рассказывают, с кем встречается твой муж и что говорит у тебя за спиной лучшая подруга. Наша общая знакомая, которая поведала о твоём неудачном романе, думала, что мне будет приятно. Что я смогу насладиться твоим падением. Нет, Потапов, мне не было приятно. Хотя, признаюсь, на одно короткое мгновение мною овладело мстительное чувство, но только на одно мгновение. А потом... Потом я стала ждать, что ты позвонишь. Я думала, ты вернёшься. Но ты не звонил. Почему ты не звонил, Потапов? Ты боялся? Ты думал, что я ненавижу тебя? Дурачок! Ты не вернулся. А спустя какое-то время я узнала, что ты женился. Я ничего не могу сказать плохого о твоей жене, я видела её всего один раз в жизни, когда однажды случайно встретила вас в супермаркете. Она ничем особенным мне не запомнилась, но хочу верить, что она была тебе хорошей женой. Потом у вас родилась девочка, потом вторая. Саша и Маша, я помню. Вот так... Ну, а я пошла своим путём...

Налетевший неизвестно откуда порыв ветра раскачал верхушки деревьев, и сухие бурые листья стали торопливо падать на дорожки, на скамейки, на сидевших возле фонтана людей. Один лист лёг на колени Арине Юрьевне, она взяла его, повертела несколько секунд в пальцах и бросила на землю.

– Меньше, чем через год после того, как мы с тобой расстались, я развелась с Игорем. Осталась одна, с ребёнком. Много работала. А что мне было ещё делать, Потапов, кроме как заниматься своей карьерой? Я оказалась очень эффективным менеджером, мой друг. За что бы я ни бралась, всё у меня получалось. Я быстро росла, росла... И доросла. Теперь я – предсе-

датель правления этого сраного банка! Такие вот дела. Через несколько лет там же, в банке, я встретила Матвея. Мы поженились в 95-м. Он был хорошим человеком, весёлым, остроумным. У него было только одно слабое место – он не мог перенести, что жена успешнее него. А я совершила большую ошибку. Матвей работал в одном из наших московских филиалов, а я вытащила его оттуда и сделала начальником большого и важного департамента. Думаю, он мне этого так и не простил. Ему казалось, что все вокруг говорили, что он получил должность через постель, считали его ничтожеством. У него испортился характер, он стал мрачным... Потом начались гулянки, девки бесконечные. Охрана всё время вытаскивала его в стельку пьяного из каких-то саун... Однажды он не пришёл ночевать, а утром мне позвонили и сказали, что нашли его в каком-то пансионате мёртвым. Сердечный приступ, ничего криминального. Как он там оказался? Что делал? Я не выясняла подробностей. Я даже не плакала, Потапов. Этим должно было кончиться. Он должен был либо сбежать от меня, либо застрелиться, либо вот так... Ну, да я не про это хотела тебе рассказать! Мы с Матвеем поженились 23 марта. Расписывались на Лобачевского. Ехали в ЗАГС по Ленинскому, опаздывали страшно... И вот представь, Потапов: остановились мы на светофоре у гостиницы «Салют», я повернула голову и увидела в окно... тебя! Ты сидел за рулём белой «пятёрки» или «семёрки», не помню. Весь такой сосредоточенный, серьёзный. Я как заорала: «Потапов!» и начала лупить ладонью по стеклу, чтобы ты меня заметил. Народ в машине всполошился. «Что случилось? Что случилось?» А я опомнилась и сказала: «Да ничего не случилось! Старого знакомого увидела». Мистика какая-то! Я так и не знаю, видел ты меня или нет. Но я все равно считала, что ты меня опять благословил... Как и с Игорем... В дни, когда я выходила замуж, я почему-то всегда видела тебя.

Арина Юрьевна замолчала и посмотрела на часы.

– Ну, что же, Потапов, мне пора. Ни о чем не беспокойся. Девчонок твоих не оставим. За тобой здесь будут хорошо смотреть, им за это платят уйму денег. И даже если со мной или с банком завтра что-то случится, на вас это никак не отразится. Фонд в Люксембурге. Все продумано. Прости, пожалуйста, мне надо идти. У меня сегодня сложный день.

Женщина взяла руку мужчины и вложила его ладонь в свою.

– Спасибо тебе, Потапов, за все.

И ей почудилось слабое, едва уловимое пожатие.

Арина Юрьевна достала из кармана телефон и набрала номер.

– Ольга Константиновна? Я ухожу. Позаботьтесь, пожалуйста, о Ярославе Николаевиче...

Арина Юрьевна вышла из ворот клиники и пошла вдоль кирпичной ограды парка. Она шла, как обычно, не быстро и не медленно, энергично, уверенно, не оглядываясь по сторонам. Дойдя до угла, она повернула направо, в узкий переулок... Случайным прохожим в то утро открывалась там странная картина. Крошечный проулок весь был заставлен роскошными автомобилями. Ближе всего к выезду стоял огромный чёрный «Мерседес 600», за ним чёрный джип «Тойота Лэндкрузер», дальше большой угловатый минивэн «Мерседес Виано», тоже чёрный. Дальше выстроились полтора десятка БМВ, «Лексусов» и «Инфинити». Возле джипа курили несколько крепких, коротко стриженных молодых людей в одинаковых тёмных костюмах. Увидев приближавшуюся Арину Юрьевну, они быстро побросали сигареты и застегнули пиджаки. Один из них, судя по всему старший, направился навстречу женщине.

– Всё в порядке, Арина Юрьевна? – почтительно спросил он.

– Да, Сергей, – ответила женщина. – Предупредите, пожалуйста, всех, что выезжаем через десять минут.

Мужчина кивнул головой и распахнул перед Ариной Юрьевой заднюю дверь «600-го». Однако женщина не сразу села в автомобиль. Сначала она, не торопясь расстегнула пуговицы, сняла плащ и шарф и отдала их охраннику. Под платьем на Арине Юрьевне было облегающее белое платье без рукавов, с неглубоким V-образным вырезом. Арина Юрьевна села в машину, дверца за ней мягко захлопнулась.

В «мерседесе», кроме водителя и охранника на переднем сидении, обнаружился ещё один пассажир. Это был крупный мужчина лет сорока с густыми русыми волосами и полным румяным лицом. Одет мужчина был смокинг и лаковые туфли. Увидев Арину Юрьевну, он расплылся в улыбку и развёл руки в стороны, словно готов был принять женщину в свои объятия.

– А-р-и-и-н-а-а, – протянул он голосом капризного мальчика, – ну что так долго? Все ждут...

– Подождут, – произнесла Арина Юрьевна тоном, не терпящим возражений, и лёгким движением скинула туфли-лодочки, в которых ходила в больницу. Затем достала из лежавшего на полу пакета коробку, а из коробки – другую пару туфель, на высоком каблуке.

– Подождут! Ха! Твой *fiance* уже просто телефон оборвал, – не унимался румяный. – Наверно, боится, что ты сбежишь...

Арина Юрьевна покосилась на мужчину, но ничего ответила. Рядом с ней на сидении лежала белая кожаная сумка. Женщина достала из неё плоский футляр, отделанный чёрным бархатом, и открыла его. Внутри лежали украшения – бриллиантовое кольцо и пара серег, тоже с бриллиантами. Арина Юрьевна сначала надела серьги, а затем достала из футляра кольцо.

– Вместо того, чтобы болтать, лучше помог бы мне застегнуть, – сказала она мужчине.

Тот с готовностью придвинулся поближе и на удивление ловко защёлкнул карабин цепочки.

– Спасибо, – сказала Арина Юрьевна.

– Что вообще за странная идея, – продолжал мужчина, – ехать в такую рань, в какую-то больницу... Кто он вообще этот твой знакомый?

– А вот это тебя совершенно не касается, мой дорогой кузен.

– Но почему ты едешь навещать его в день...

– Так было надо, – отрезала Арина Юрьевна.

Она вынула из сумки зеркальце, взглянула на себя, провела рукой по волосам и, немного наклонившись вперёд, негромко сказала водителю:

– Едем, Петя. В ЗАГС.

Встреча

Посвящается Е. М.

В один из январских дней 2008 года два нестарых ещё мужчины шли по Большому Палашевскому переулку к Патриаршим прудам. Одеты оба были в чёрные кашемировые пальто. Один, что повыше, носил кепи. Другой, несмотря на крепкий морозец, шёл с непокрытой головой, и встречные с любопытством разглядывали его красивое восточное лицо – живые тёмные глаза, крупный нос, густые волосы, тронутые сединой, и профессорскую бородку. Был восточный человек коренаст, грузен, но двигался легко, широко размахивая руками с большими, как лопаты, ладонями. Второй господин внешность имел вполне европейскую, был высок, сухопар, носил очки с небольшими прямоугольными стёклами без оправы и руки держал в карманах. Приятели уже дошли до угла Малой Бронной и остановились как будто в нерешительности. Они хорошо выпили и поговорили, но теперь все темы были исчерпаны, и пришло время расставаться...

– Слушай, Борис, забыл тебе рассказать! – воскликнул вдруг восточный человек и хлопнул приятеля по плечу.

– Что такое?

– Знаешь, с кем я недавно задружился в «Одноклассниках»?

– Ну, и с кем же?

– Ни за что не догадаешься!

– Ладно, Рашид, говори уже!

– С Бортниковой! Ритой Бортниковой! Помнишь её?

Тень пробежала по лицу Бориса.

– Бортникову? – Борис постарался, чтобы голос его звучал равнодушно.

– Ну, да! Такая брюнетка невысокого роста... Она училась на экономическом факультете.

Слегка замороженная. Царевна-несмеяна. Ты ведь, кажется, был в неё влюблён?

– Да, было дело, – как будто неохотно согласился Борис. – В неё многие были влюблены.

– Но только не я! Она была не в моем вкусе.

– Вот как?

– Я предпочитал светленьких. Кстати, у этой Риты подруга была – блондинка. Они все время ходили вместе... Её Людой звали, вот только фамилию не вспомню... Что-то на «о»...

– Остаповская, – сухо сказал Борис. – Люда Остаповская.

– Точно! Остаповская! Её ещё на последнем курсе из института попёрли, Остаповскую эту. Говорили даже, что чуть ли не дело какое-то завели... В общем тёмная была история.

– Да, что-то такое смутно припоминаю.

– А вот мы с этой Людой и некоторыми другими известными тебе персонажами иногда гуляли у Бортниковой на даче на Николиной горе. Когда родителей поблизости не было... Отец у этой Риты был какой-то большой шишкой – то ли военный, то ли кэзэбист, не помню... Суровый такой дядя, я один раз видел его мельком – в кожаном пальто и дорогой меховой шапке. Дома перед ним все по струнке ходили.

– Интересно, я не знал...

– Да! А сразу после института Маргарита наша вдруг пропала с горизонта – ни слуху, ни духу! Помнишь, тогда, после института все ещё как-то поддерживали связь, перезванивались, рассказывали, кто и где. А про неё никто ничего не знал! Как в воду канула!

Борис слушал товарища, не перебивая.

– И тут вдруг этой осенью нашлась бабушкина пропажа! В социальных сетях!

Борис с усмешкой посмотрел на Раша.

– Ты же говорил, что социальные сети – зло...

– Говорил и говорю, – подтвердил Рашид. – Но что делать, если тебе все вокруг только и говорят: «Я напишу тебе в „Одноклассниках“». Пришлось завести аккаунт... Так вот, в ноябре получаю письмо от «rita bortnikova, vienna, ausrtia». Так латиницей и было написано.

– Вена? – воскликнул Борис. – Так она за границей!

– Натюрлих!

– В Австрии?

– Да. Во куда её занесло!

– И что она там делает?

– По-моему, ничего. Мужнина жена.

– Вышла замуж?

– Да.

– За австрийца?

– Ага! Он – то ли скульптор, то ли архитектор. Они познакомились в Москве, а потом поженились и уехали. Это было почти сразу после института, поэтому никто толком и не знал, куда она делась.

– Понятно.

– Но это ещё не все! Накануне Нового года она написала, что будет в Москве, и предложила встретиться... Написала, что остановится на квартире... Какой-то её друг предоставил ей в распоряжение квартиру. И это где-то здесь недалеко, на Патриках. У меня адрес записан...

Рашид остановился и стал рыться в карманах пальто. Борис смотрел на него, не отрываясь. Наконец, приятель выудил из кармана телефон и начал тыкать пальцем в кнопки.

– Я адрес в телефон забил, а то бумажки вечно теряю, – пояснил Рашид. – Ермолаевский переулок, дом 5, квартира 20. Где это?

– Ермолаевский переулок, – повторил вслух Борис. – Это близко, сейчас прямо, а вон там, у светофора, – направо. Ты к ней зайдёшь?

– Не сегодня, – ответил Рашид, пряча телефон обратно в карман. – Как-то неудобно, надо было бы предупредить заранее.

– Ну, что же, увидишь её, передавай привет от Бори Плотникова. Хотя, наверное, она меня не помнит.

– Передам непременно, – пообещал Рашид. – Ты куда теперь?

Борис неопределённо махнул рукой.

– Прогуляюсь до Нового Арбата. В Дом Книги загляну. А потом к сестре зайду ненадолго.

– Ну, будь здоров!

– Давай.

И приятели разошлись. Рашид двинулся налево в сторону большой Бронной, а Борис пошёл прямо по направлению к Спиридоновке. Он быстро миновал замерший пруд, прошёл ещё немного и остановился. Мороз пощипывал уши и щеки. «Ермолаевский переулок, дом 5, квартира 20», – пробормотал он, развернулся и зашагал обратно. «Когда я в первый раз увидел Риту, тоже была зима, зима 1980 года, – думал Борис, шагая по узкому тротуару вдоль вереницы засыпанных снегом автомашин. – Случайно столкнулся с ней в институте. И сначала я увидел не её, а отражение в зеркале. А она увидела в зеркале меня. И мне показалось, что... Что мне показалось? Интерес? Вопрос? Что я такое себе вообразил?»

Мужчина свернул налево, потом направо и спустя пять минут остановился возле серого шестиэтажного дома, построенного, верно, ещё до революции. Но пластиковые оконные переплеты и новенькая парадная дверь говорили о том, что недавно дом пережил ремонт. Старые жильцы, скорее всего, выселены, а квартиры проданы богатым людям. Борис толкнул дверь и вошёл в мягко освещённый подъезд. Справа, за стойкой сидел консьерж – крепкий мужчина средних лет, широкоплечий, коротко стриженный.

– Вы к кому? – строго спросил он.

– Я... э-э-э... в двадцатую квартиру, – ответил Борис, всегда робевший перед полицейскими и швейцарами.

– Ваша фамилия?

– Плотников.

– Минуту.

Страж снял трубку внутреннего телефона и негромко произнёс:

– К вам господин Плотников.

«А что если она не вспомнит фамилию, и меня не пустят? – с тревогой подумал Борис. – Тогда попрошу дать трубку мне!» Но этого не потребовалось. Охранник кивнул Борису:

– Проходите, пожалуйста. Шестой этаж.

– Спасибо.

Плотников пересёк вестибюль, поднялся по короткой, в три ступеньки, лестнице к лифту и уже было поднял руку, чтобы нажать на кнопку, как вдруг у него натурально задрожали колени. «Вот сейчас увижу её, – подумал он, – столько лет ждал, пытался представить, как это будет... И вот сейчас. Нет, мне нужно ещё несколько минут, мне нужно подготовиться». И Борис стал медленно подниматься вверх по лестнице.

«Господи, как я был влюблён в неё! Почему? – думал он, одолевая ступеньки. – Почему она? Что в ней было такого? Как мы выбираем? Не знаю. До сих пор не могу ответить... Просто влюбился. Без памяти. Задышался, если несколько дней не видел её...»

Вверх, вверх. Ещё один пролёт.

«Лестница – мрамор? Или гранит? Перила из какого-то хорошего дерева... Да, так, значит, я увидел её зимой в институте...»

Борис остановился на площадке между этажами. Он слегка запыхался. «Надо отдышаться, – подумал он и расстегнул пальто. – А что если муж сейчас здесь, с ней?» Он даже удивился, почему эта мысль не пришла ему в голову раньше. Почему-то он был уверен, что Рита дома одна. Хотя с какой стати? Перспектива столкнуться с мужем настолько взволновала и напугала Бориса, что он едва не повернул назад. О чем они будут говорить? «Нет, нельзя уже отступать, – решил он. – Кстати, какой это этаж? Четвёртый?» Борис двинулся дальше, стараясь ступать твёрдо.

Наконец, он добрался до площадки шестого этажа и огляделся. На лестничную клетку выходили четыре двери. Он направился к квартире под номером 20, но прежде чем успел позвонить, дверь распахнулась. На пороге стояла женщина, одетая в свободные синие брюки, белую блузку и короткую бархатную курточку, тоже синюю. Ростом женщина была чуть выше среднего, хорошо сложенная, с гибкой талией и тонкими щиколотками. Густые чёрные волосы до плеч... «Наверное, она их все же подкрашивает, – машинально подумал Борис, – не может быть, чтоб ни единого седого волоса». Лицо у женщины было чистое и гладкое, без морщин. Но если его и касался скальпель пластического хирурга, то очень деликатно. Немного впалые щеки, тонкие губы, прямой нос и чуть раскосые карие глаза. «В сущности, она мало изменилась», – решил про себя Борис.

– Я уже стала волноваться, – с улыбкой сказала Рита, – решила, что ты испугался и не поднимаешься.

«Почти так и было», – подумал Борис, а вслух сказал:

– Я шёл пешком...

– Ого! На шестой этаж? Да ты физкультурник! Я на такое не способна. Но что же ты стоишь? Заходи!

Она отступила, пропуская гостя. Мужчина вошёл и очутился в просторной прихожей, из которой вглубь квартиры вёл широкий коридор.

– Сколько же лет мы не виделись? – спросила Рита, разглядывая гостя.

– Много.

– Раздевайся, – сказала Рита и отодвинула зеркальную панель, за которой обнаружился стеной шкаф, примерно наполовину заполненный шубами и прочей верхней одеждой.

Борис снял пальто и аккуратно повесил его на плечики.

– Какой ты нарядный! – воскликнула женщина.

На Борисе был дорогой тёмный костюм, белоснежная сорочка и шелковый галстук винного цвета.

– С утра делаю визиты, – развёл он руками.

– Ну, проходи же, проходи, – повторила Рита.

Она пошла по коридору, Борис последовал за ней.

– Это очень большая квартира, – говорила Рита, не оборачиваясь. – Я до сих пор точно не знаю, сколько в ней комнат. Кажется, десять... Некоторые очень маленькие. И всюду какие-то закоулки и закутки. Но мне нравится. Пётр очень мил...

– Пётр? – переспросил Плотников.

– Ну, Петя Козловский. Это его квартира. Ты его не помнишь? Мы учились с ним в одной группе.

– Нет, честно говоря, не помню.

– Смешно, он был таким щуплым мальчиком, а теперь располнел, стал страшно солидным и важным. Он – банкир.

Рита привела Бориса в гостиную. Комната имела форму пятиугольника, в углу напротив входа стоял высокий буфет тёмного дерева. Справа и слева от буфета располагались два одинаковых диванчика, обитых светло-зелёной материей в тонкую золотую полоску. В центре помещались большой круглый стол и шесть мягких стульев.

– Садись, пожалуйста, хочешь чаю?

– Спасибо, нет.

Борис и Рита сели за стол друг напротив друга.

– Может быть, бокал вина?

– Благодарю, не стоит.

Посередине стола стояла высокая хрустальная ваза, в вазе – полтора десятка чайных роз.

– Красивые цветы, – произнёс мужчина. А про себя подумал: «Почему я не принёс ей цветы? Какой я несообразительный! Надо было купить букет... Но все получилось так неожиданно».

– Да, я люблю розы, – ответила Рита.

– А я зачем-то дарил тебе гвоздики...

– Прости?

– Помнишь, в институте я дарил тебе цветы? Всегда гвоздики.

– Да, – Рита задумчиво посмотрела на него. – Это было так давно...

– А помнишь, как я привёз тебе двадцать пять гвоздик из Тбилиси?

– Да-да, – улыбнулась женщина.

– Это было году в 81-м, кажется. На майские праздники я поехал в Тбилиси. И там мне пришла в голову мысль, что я должен привезти тебе цветы. Видимо, это казалось мне очень романтичным. Перед отлётом я отправился на центральный тбилисский рынок. Цветы там были очень дешёвы по сравнению с Москвой, и я купил целую охапку – то ли двадцать пять, то ли тридцать гвоздик, точно уже не помню...

– Я не знала, куда их девать, – засмеялась Рита, – их было ужасно много.

– Выбросить их надо было в помойку, – решительно заявил Борис, – половина завяла по дороге...

– Ну, зачем ты так? Это было действительно романтично.

– Я одного не могу понять, почему я думал, что тебе понравятся гвоздики? Почему просто не спросил, что ты любишь?

– В молодости мы часто совершали ошибки, – задумчиво сказала Рита.

– Как ты живёшь?

– Хорошо.

– Ты работаешь?

– Нет. Моя специальность меня никогда не увлекала. Я и на экономический-то пошла только потому, что отец настоял.

– Не скучно?

– Нет.

– А-а-а... твой муж? Он чем занимается?

– Рихард – архитектор, довольно известный в Австрии, у него своё бюро.

– Твоего мужа зовут Рихард?

– Да, Рихард Зандер.

– А ты, значит, фрау Зандер? – улыбнулся Борис.

– Да.

– Господи, фантастика какая-то! А когда вы поженились?

– В августе 83-го. Буквально через пару месяцев после выпуска.

– И как вы живёте? – спросил Борис.

– Тебе интересует, живём ли мы как муж и жена? – спросила Рита, спокойно глядя Борису прямо в глаза.

– Прости, это действительно прозвучало как-то неделикатно, – смутился Плотников.

– Ничего-ничего, это правильный вопрос, – рассмеялась Рита. – Формально мы не разведены, но живём каждый своей жизнью... У нас хорошие отношения. Я помогаю Рихарду в его делах.

– А у вас есть дети?

– Нет. А у тебя?

– Двое. Дочь и сын.

– Здорово!

– Я тебе не помешал, – вдруг спохватился Борис, – свалился, как снег на голову, без приглашения, без предупреждения...

– Перестань, я рада тебя видеть...

– Я случайно узнал, что ты в Москве...

– От кого?

– От Рашида Самедова.

– От Раша? Он славный. Мы с ним переписываемся в «Одноклассниках».

– Он сказал.

Они помолчали.

– А помнишь, как мы познакомились? – спросил Борис.

– Нет, – честно призналась Рита, – расскажи.

Она сидела, подперев рукой щеку, и с улыбкой смотрела на гостя.

– Нас познакомила эта... твоя подруга... Люда Остаповская... Вы с ней все время были...

– Да, мы... дружили, – подтвердила Рита.

– Так вот, было это весной 81-го, – продолжал Борис, воодушевляясь, – я к тому времени тебя уже заметил и очень хотел познакомиться, но не знал как. Просто взять подойти не решался... А тут случился торжественный вечер какой-то или что-то в этом роде, не помню... Я договорился с кем-то из наших встретиться на станции «Проспект мира». Пришли ребята с вашего факультета, с ними Остаповская, ещё какие-то девушки. И уже все вроде

в сборе, а Люда говорит: «Подождите, сейчас ещё один человек подойдёт». И через пять минут появилась ты. И нас познакомили.

– Интересно, – сказал Рита, – вот я этого не помнила, а ты рассказал, и как будто вспомнила. Или это кажется? Ты куришь?

– Нет, – ответил Борис.

– Не возражаешь, если я закурю?

– Пожалуйста.

Рита встала, вышла на минуту из комнаты и вернулась, держа в руках пачку сигарет, зажигалку и тяжёлую хрустальную пепельницу.

– Расскажи ещё что-нибудь, – попросила она.

– Что ж рассказать? У нас не так много общих воспоминаний, – усмехнулся Борис, – гораздо меньше, чем мне хотелось бы, но я постараюсь... После того, как нас познакомили, я стал караулить тебя возле института. Как будто случайно встречал в холле, в гардеробе, на улице после занятий. Я знал наизусть твоё расписание, все рассчитывал по минутам. Иногда мы просто здоровались, перебрасывались несколькими фразами, а иногда – когда ты была одна – я увязывался за тобой и провожал до метро...

Рита вдруг рассмеялась.

– А я не верила, – сказала она, разглядывая Бориса сквозь облако табачного дыма.

– Не верила? Чему?

– Ну, тому, что ты меня специально поджидаешь... Люда мне все говорила: гляди, вон опять твой Плотников тебя караулит. А я ей – брось трепаться, стоит просто человек, случайно... А, оказывается, неслучайно.

– Нет, неслучайно. Остаповская была проницательной девушкой.

– Да, она была проницательной, – согласилась Рита.

– Господи, какой бред! – воскликнул Борис. – Неужели тебе это интересно слушать?

– Интересно, интересно, – Рита затушила сигарету и тут же закурила новую. – Продолжай, пожалуйста.

– Да что же продолжать? Продолжать-то почти и нечего. Я был влюблён, меня просто распирало. Решил объясниться...

Рита молча курила.

«Неужели она и этого не помнит?» – с тоской подумал Борис.

– Это произошло 9 февраля 1982 года.

– Как ты так точно помнишь? – удивилась Рита.

«Потому что мне это дорого...» – хотел сказать Борис. Но вслух произнес:

– 7 февраля было первым учебным днём после зимних каникул. Я хотел увидеть тебя 8-го, но что-то не связалось – я не встретил тебя в институте. И увидел только девятого... А знаешь, что удивительно? Я совсем не волновался. И говорил, не запинаясь. Так бывает, когда у тебя в голове полная ясность, – кто ты и что должен делать. Я очень любил тебя.

– Ты был очень трогательным, – проговорила она.

– Да, трогательным... Видимо, на большее я не мог рассчитывать... Ведь я сразу все понял, понял, что у меня нет шансов, что я тебя не интересую. Но, хотя ты не дала мне никакой надежды, я чувствовал себя победителем...

«Прямо, как сейчас», – подумал про себя Борис

Рита улыбнулась и затушила сигарету.

– А знаешь, я благодарен тебе – сказал Борис.

– За что?

– За все. За то, я чувствовал к тебе...

Рита промолчала.

– Ты знаешь, я хочу тебя кое о чём спросить, – произнёс Борис неуверенно.

– Конечно, – ответила Рита, улыбаясь.

– Это странное воспоминание, не до конца мне понятное... Объясни мне его, если сможешь.

– Я попробую.

– Это было то ли в конце февраля, то ли в начале марта 1983 года. В тот день все развивалось по уже известному сценарию. Я приехал в институт, чтобы увидеть тебя...

Борис прикрыл глаза и вспомнил тот день удивительно ярко. Низкое серое небо и влажный западный ветер, в котором чувствовался – Борис был готов в этом поклясться! – запах моря.

– Я приехал, и вот удача – встретил тебя. Ты как раз выходила из дверей. Одна! Но кто-то из знакомых задержал меня... Короче, заминка. Ты вышла на улицу. «Ничего страшного, – подумал я, – сейчас догоню её, маршрут известен, далеко не уйдёт, раз-два, три прыжка...» Вылетаю на улицу, а тебя нет! Исчезла. Как сквозь землю провалилась. Растворилась в воздухе. Я в панике бросился вперёд, высматривал тебя в толпе. Нету! Добежал почти до самого метро. Нет тебя! Затормозил и бросился обратно. Может быть, ты заглянула куда-нибудь по дороге, может, я нечаянно обогнал тебя, и сейчас мы столкнёмся нос к носу? Чёрта с два! Я метался, как раненый лев. Пробежал половину пути до института и снова вернулся к метро, зашёл в вестибюль, к турникетам. Все тщетно. В полном отчаянии выскочил на улицу и остановился, не зная, что делать дальше. Так бездарно упустить тебя! И тут вижу, к метро идёт... твоя подруга Люда Остаповская. «Привет! – сказала она мне. – Что это ты? Тут люди входят, а ты выходишь – заблудился?» Я спросил, не видела ли она тебя? Она ответила, что ты, наверное, уже уехала... И тут вдруг я увидел, как кто-то бежит к метро от подземного перехода. Чешет на всех парах, одной рукой придерживая сумку, а другой сползающую с головы шерстяную шапку. Это была ты! Я не знаю, куда ты так спешила, но на одну секунду, на одно мгновение я представил... я подумал, что ты бежишь ко мне. Я был так счастлив!

Рита внимательно слушала рассказ Бориса, но выражение лица ее чуть заметно изменилось, стало как будто более напряжённым.

– И что же было дальше? – спросила она.

– Да ничего в общем-то... Ты подбежала, покрасневшая и запыхавшаяся. Мы поздоровались. Ты посмотрела на нас с Остаповской и спросила: «Ну, чего стоим? Кого ждём?» И мы с Людой хором ответили: «Тебя!» А ты сказала: «Меня? Ну, раз меня, тогда пошли». И мы втроём двинулись к метро. Вот собственно и всё...

– Так в чем вопрос? – задумчиво проговорила Рита.

– Скажи, куда ты бежала?

Несколько секунд Рита молчала, и Борису показалось, что она как будто колебалась.

– Извини, Борис, я не помню, – сказала, наконец, Рита. – Это было так давно.

Мужчине пришлось приложить усилие для того, чтобы скрыть разочарование.

– Конечно, это было очень давно, – сказал он. – Извини, Рита, я, наверное, замучил тебя своими юношескими воспоминаниями.

– Ну, что ты!

Борис поднялся, Рита тоже встала.

– Уже уходишь? – спросила она.

– Да. Пожалуй, мне пора. Я был очень рад тебя видеть.

– Я тоже была очень рада тебя видеть.

Борис направился в прихожую, Рита последовала за ним.

– Можно я напишу тебе в «Одноклассниках»? – спросил Борис, уже стоя в дверях.

– Напиши, но я, кстати, собираюсь перейти в «Фейсбук».

– Почему?

– В «Одноклассниках» меня в последнее время одолевают какие-то странные личности.

– Ну, странные личности достанут тебя и на «Фейсбуке». Так зафрендимся? Господи, слово-то какое выдумали!

– Зафрендимся.

Борис шагнул за порог.

– До свидания, Рита.

– До свидания, Борис.

Когда Плотников ушёл, Рита немного постояла в прихожей, потом направилась в кухню, достала из шкафа початую бутылку красного вина и налила себе немного. Держа в руке бокал, женщина вернулась в гостиную и остановилась у окна. На улице быстро темнело. Рита несколько минут смотрела, как дворники лопатами сгребали снег на тротуарах. В доме напротив зажглись окна. Она выпила вина и окинула взглядом комнату, не зная, чем заняться. И в этот момент услышала, как щёлкнул замок, и хлопнула входная дверь. Через мгновение в комнату вошла молодая женщина с длинными светлыми волосами, на которых таял снег. Она подошла к Рите и обняла её.

– Привет, Лия, – сказала Рита. – Как ты покаталась?

– Чудесно! – ответила девушка, отстраняясь.

– Не замёрзла?

– Немного.

– Хочешь чаю?

– Хочу... Стой! Давай лучше сварим глинтвейн!

– Хороший план!

Рита и Лия направились на кухню. Лия достала ещё одну бутылку вина, а Рита отыскала на полке пакетики с корицей и гвоздикой.

– Как ты провела время? – спросила Лия, наливая вино в кастрюльку.

– У меня был гость, – сказала Рита.

– Вот оно что! Ты тут времени даром не теряла! Что за гость?

– Один парень, с которым мы когда-то учились в институте... Хотя какой он теперь парень! Взрослый, солидный мужчина. Выглядит, кстати, неплохо, только полысел.

– О чем вы говорили?

– Ну, о чем могут говорить люди, которые не виделись много лет? Вспоминали былое. Борис... его зовут Борис... был влюблён в меня. Вспоминал, как ухаживал, как объяснился...

– Очень романтично!

– Интересно, что он помнит многие вещи, о которых я забыла...

– Потому что это ему дорого, – сказал Лия, доставая стаканы, – а что помнишь ты?

Рита прикрыла глаза и вспомнила тот день удивительно ярко. Низкое серое небо и влажный западный ветер, в котором чувствовался – Рита была готова в этом поклясться! – запах моря.

– Это было очень давно, Лия, наверное, в марте 1983 года. Я тогда училась на последнем курсе, и у меня была подруга – Люда Остаповская...

– Просто подруга или... – уточнила Лия.

– Или, – ответила Рита. – Люда была моей первой... Я ведь сначала не понимала... В старших классах все девочки вокруг меня влюблялись в мальчиков, с кем-то встречались, а меня это совершенно не интересовало. Хотя ребята из класса пытались за мной ухаживать... Многие считали меня гордячкой, «снежной королевой», я огорчалась, но ничего не могла с собой поделать. А когда поступила в институт, встретила Люду... У нас было много хорошего, но почему-то я запомнила именно тот день... Может быть, потому что это был один из последних счастливых дней...

Лия поставила кастрюльку с глинтвейном на маленький огонь, потом села верхом на стул и положила голову на сложенные руки.

– Расскажи, – попросила она.

– В тот день я пришла в институт... Я надеялась, что увижу Люду... Она уезжала на несколько дней в Пензу к родственникам и должна была вернуться... Я очень по ней скучала. Но на занятиях Людки не было. Я не понимала, почему... В тот день ей обязательно надо было быть, у неё подходил последний-распоследний срок сдачи какого-то реферата по денежному обращению и кредиту... Я тревожилась, злилась, опять тревожилась... Потом оказалось, что просто не было билетов на поезд, который приходил рано утром. Она приехала позже, на лекции не пошла, а отправилась напрямиком на кафедру к своему преподавателю сдавать... Одним словом мы разминулись. Я вышла из института на улицу и у дверей встретила мальчика Борю Плотникова, того самого, который приходил ко мне сегодня. Он мне – привет, я ему – привет. Он прошёл внутрь, а я вся такая в миноре двинула в сторону проспекта Мира... Домой я могла ехать двумя путями – на метро до Белорусской или на трамвае через Новослободскую. Я подумала-подумала и решила, что поеду на трамвае. Села в вагон, и трам потащился по проспекту, застревая на каждом светофоре. Я уткнулась носом в стекло и стала смотреть на противоположную сторону проспекта. А там происходили какие-то странные события. Сначала Боря Плотников широким шагом королевского скорохода проследовал в направлении станции метро «Прспект Мира». Спустя несколько минут он пробежал обратно. Потом опять к метро. «Что он бегаёт туда-сюда?» – подумала я, и мне стало смешно. Но тут я увидела, что метрах в пятидесяти за Плотниковым вышагивает по тротуару подруга дней моих суровых – Людмила Николаевна Остаповская собственной персоной в шапке с помпоном. «Ах, ты, зараза! – чуть не закричала я. – Чтоб тебя!» Быстро рассчитав в уме скорость движения трамвая, силу ветра и атмосферное давление, я поняла, что если выскочу на ближайшей остановке и побегу по подземному переходу быстро-пребыстро, то, возможно, догоню её до того, как она нырнёт в метро. Сказано – сделано. Я спрыгнула с задней площадки, оттолкнув какую-то тётеньку и на всех парах понеслась к метро. К счастью, Люда и Боря как раз стояли возле входа на станцию и обсуждали, где меня искать. И тут я появляюсь вся растрёпанная! Людка смеялась, у Плотникова вид был совершенно ошалевший... А я... Я была так счастлива!

– А что было дальше? – спросила Лия.

– Да собственно ничего. Мы все вместе пошли в метро...

– А почему вы потом расстались?

– Ну, тогда однополюсные союзы были в этой стране не в чести.

– В этой стране они и сейчас не в чести, – рассудительно заметила Лия.

– Н-да... – усмехнулась Рита. – Это была тяжёлая история... Нас застукали. Поймали на месте преступления.

– Кто?

– Мой отец. В конце апреля, перед майскими праздниками, мы с Людой поехали к нам на дачу. Мои родители должны были приехать утром, но почему-то явились поздно вечером. Мы не слышали, как они вошли...

Рита вытащила из пачки сигарету, помяла ее в пальцах...

– Мой отец был сложным человеком. Тяжёлым. Властным. Подозрительным. Настоящим кэгэбистом... А ещё он был человеком правил. Его мир был прост и понятен. Да – это да, нет – это нет, белое – это белое, чёрное – это чёрное. Без оттенков. Коммунизм – светлое будущее человечества. Есть враги – внутренние и внешние, и с ними надо жёстко бороться. Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Ленин и сейчас живёт всех живых. Сталин допускал ошибки, но при нём страна добилась больших успехов. Каждый человек должен быть сознательным и дисциплинированным. Постель всегда должна быть застелена. На письменном столе всегда должен быть порядок. Девочки должны носить юбки, а мальчики брюки. Мужчина должен жениться один раз и на всю жизнь, а девушка – выходить замуж девственницей... Эти правила были вечными и неизменными, и все должны были им следовать. Понимаешь?

Лия молча кивнула.

– Когда я подросла, я иногда пыталась представить, как они с мамой меня зачали, – усмехнулась Рита. – Думаю, отец признавал только миссионерскую позу и никогда не занимался любовью при свете... И вот дочь такого человека в какой-то момент своей жизни поняла, что её больше интересуют девочки, а не мальчики. Представляешь, что я чувствовала?

Лия слушала.

– Это был полет над пропастью. Я чувствовала себя шпионом, врагом в собственной семье. И разоблачение было неизбежно. Ведь я знала от отца, что врагов всегда разоблачают...

– Был скандал?

– Это слово даже близко не передаёт того, что случилось... Людка почти голая выпрыгнула в окно...

На Ритином лице мелькнула тень улыбки.

– А меня отец чуть не убил... Серьёзно. Думаю, если бы у него было при себе оружие, точно застрелил бы. Он орал, грозил, что запрет меня, насильно выдаст замуж, требовал назвать имена...

– Имена?

– Да, имена. В его мозгу, видимо, сразу возник какой-то заговор, какая-то тайная секта сексуальных извращенцев...

– И ты выдала имена, пароли, явки? – улыбнулась Лия.

– Не надо шутить над этим, – серьёзно ответила Рита. – Я была напугана, подавлена... Я сгорала от стыда... Да, я назвала имя Люды... Я же не предполагала, что так все получится... Да и мама её знала, скрыть бы все равно не удалось.

– И что было дальше?

– Отец пошумел, а потом вроде притих. И я даже стала в глубине души надеяться, что пронесёт... Но напрасно. В голове моего отца быстро сложилась чёткая и ясная схема: подлая извращенка сбила с пути его дочурку и должна быть наказана. А дальше все было делом техники. Отец был большим человеком, очень влиятельным... Люду исключили из комсомола за аморальное поведение и выкинули из института, не дали защитить диплом...

– А ты? – спросила Лия.

– А что я? – Рита грустно улыбнулась. – Когда все это случилось, я по-настоящему испугалась. Поняла, что отец ни перед чем не остановится, что он может выполнить свою угрозу и насильно женить меня на каком-нибудь лейтенанте, восходящей звезде госбезопасности... А тут подвернулся Рихард. Мы встретились в Москве на архитектурной выставке. Он был таким умным, таким милым, так галантно ухаживал за мной. И я решила: надо бежать! Пусть так. А кроме того, выйти замуж за капиталистического иностранца – это был последний привет дорогому папе. Правда, я до последнего момента боялась, что отец помешает мне осуществить мой план и что меня похитит из-под венца спецназ. Но все обошлось. Папа даже поздравил меня. По телефону. Ведь брак с женщиной и штамп в паспорте – это по правилам, правда?

– А что стало с Людой?

– Не знаю, – сказала Рита. – не знаю, что с ней стало.

– Ты не искала её?

– Первые годы, когда мы жили в Австрии, нет... А потом... Потом я пыталась навести справки, узнать что-то через общих знакомых... Но никто ничего не мог мне сказать.

– Как думаешь, она жива?

– Надеюсь...

Лия встала и сняла с огня кастрюльку с глинтвейном. Потом подошла к Рите и села на пол рядом с ней.

– Тебе грустно? – спросила она.

– Немного.

- Не грусти! Я буду тебя утешать.
- Ещё один хороший план!

Спустя два часа две женщины лежали в постели, крепко обнявшись. Лия задрёмывала, а Рите не спалось. Ей хотелось курить, но было лень вставать. «Интересно, который час?» – подумала она. Потянулась за часами, лежавшими на тумбочке, но нечаянно задела книгу, которая с шумом упала на пол. Лия вздрогнула.

- Прости, девочка, я не хотела тебя будить, – сказала Рита, целуя Лию в лоб.
- Что ты там крушишь? – сонно спросила девушка.
- Ничего. Книжку твою уронила. Спи, любимая. Спи спокойно!

Лия затихла, а Рита ещё некоторое время лежала, глядя в потолок. Потом сон одолел и её. И во сне она снова видела тот давний февральский день, когда ей было двадцать лет. Низкое серое небо и влажный западный ветер, в котором чувствовался запах моря. Только вокруг были не дома и не улицы, а заснеженные поля и голые деревья. Рита стояла на крутом берегу, а внизу быстро бежала тёмная, не замерзавшая даже в самые сильные морозы, речка. Та самая речка в Красновидово, где у Бортниковых когда-то была дача. Рядом с Ритой были какие-то люди, среди которых она узнала Борю Плотникова, Раша и ещё кого-то из своих однокурсников. А по другому берегу шла Люда Остаповская. Рита стала махать ей рукой, и та махнула в ответ – мол, иди за мной. И Рита пошла, стараясь не отставать. Она знала, что если поторопится, то обязательно догонит Люду. И все будут счастливы.

Февраль 2016 года

Трио

Посвящается Н. Б.

Минутная стрелка с тихим щелчком перескочила одно деление и упёрлась в цифру «три». Семь-пятнадцать вечера. Капитан Федеральной службы контрразведки Федор Кантемир встал из-за стола и направился к сейфу. Привычным движением набрал код, открыл дверцу и достал из сейфа пистолет. Вставил обойму, взвесил оружие в руке и сунул его в карман брюк. Потом запер сейф, быстро оделся, выключил в комнате свет и вышел.

Вообще-то в тот вечер Федор не собирался никуда идти. Но незадолго до конца рабочего дня позвонил информатор и сдавленным голосом сообщил, что надо встретиться. Кантемир поморщился. Он не то, чтобы не доверял этому человеку, просто знал – толку от него мало. Интеллигентный неврастеник, играющий в шпиона. Но ситуация в городе была напряжённой. На дворе стоял апрель 1993 года. Президент и парламент отчаянно боролись за власть, дело шло к гражданской войне. Начальство велело держать ухо востро, реагировать на все сигналы и обо всем докладывать. Условились встретиться вечером в ресторане на Маяковской.

Федор спустился на лифте на первый этаж, пересёк огромный мраморный вестибюль и задержался на секунду у поста. Молча, показал удостоверение дежурному, тот кивнул. Кантемир вышел на улицу, и его сразу словно проглотил серый мглистый вечер. «Апрель на дворе, а как октябрь», – недовольно подумал Федор и быстро пошёл по улице, мечтая поскорее оказаться где-нибудь в тепле.

Пройдя два квартала, Кантемир остановился у ларька купить сигарет. Расплачиваясь, поймал на себе заинтересованный взгляд молоденькой продавщицы, и это доставило ему удовольствие. Капитан был интересным мужчиной. Высокий, подтянутый, быстрый в движениях, он излучал силу и уверенность. Прозрачные серые глаза смотрели доброжелательно, а губы, казалось, в любой момент были готовы расплыться в широкой, открытой улыбке. Федор не считался красавцем, но было в нем обаяние. Умел он расположить к себе собеседника и владел даром увлекательно рассказывать самые простые и непритязательные истории. Женщинам Кантемир нравился. Единственное, что немного волновало его в последнее время, – это то, что волосы, когда-то густые и русые, стали заметно седесть и редеть. И приходилось зачёсывать их назад, чтобы прикрыть наметившуюся лысину.

Отойдя от ларька и оглядевшись, Кантемир остановил такси – старую, выдавшую виды «Волгу».

– Куда? – устало спросил шофер.

– На Маяковку. Или как она там теперь называется – Триумфальная?

– Триумфальная-хуифальная, придумывают херню всякую! – недовольно пробурчал водитель. – Делать им не фига!

В вопросе о переименованиях Федор склонен был согласиться с сердитым шофером. Он вырос в брежневской Москве и тоже никак не мог привыкнуть к новым названиям знакомых улиц. Частенько по старой памяти называл Большую Никитскую улицей Герцена, а Новый Арбат – проспектом Калинина. Машина мягко тронулась с места. Водитель продолжал что-то бубнить, но Федор его не слушал. Он откинулся на мягкие подушки и прикрыл глаза. . . Ресторан, куда ехал Кантемир, был одной из достопримечательностей советской Москвы, но у капитана были связаны с ним особые воспоминания. Примерно пять лет назад он сыграл здесь свою первую и пока единственную свадьбу.

. . . Её звали Наташа. Наталья Сергеевна. Она была месяцев на десять старше Федора, считай, сверстница. К тому времени они встречались уже года три. Федя познакомился с Натальей в подмосковном пансионате, куда поехал отдыхать на зимние студенческие каникулы. Сразу

заметил её. И секс у них случился в первый же вечер. Ну, может быть, во второй... Наташка была девушкой эмансипированной. Если парень ей нравился, долго не тянула, но потом могла так же быстро и в отставку отправить. К тому времени на её счету было уже немало разбитых сердец. Высокая красивая девушка с длинными, до пояса, пепельными волосами. Голубовато-серые миндалевидные глаза делали её похожей на какую-то итальянскую актрису – то ли на Орнеллу Мути, то ли на Барбару де Росси... Стоп! Тогда Федя таких слов ещё не знал. Ну, про Мути, снимавшуюся в дурацких комедиях вместе с Челентано, что-то слышал, но про де Росси точно ничего не знал. Это Володя Зубов потом, после того, как познакомился с Наташкой, сказал про нее: «Что-то среднее между Орнеллой Мути и Барбарой де Росси...» Федор поморщился. Зубов! Самое обидное было то, что он сам познакомил Володю с Наташей.

«Был у майора Деева товарищ – майор Петров...» – вспомнил Федор строчку из стихотворения, которое мучительно учил наизусть в средней школе. Дружба – такая же загадочная вещь, как и любовь. Почему они подружились с Зубовым? Как сошлись? Такие разные люди. Казалось, ничего у них не было общего. Федя Кантемир – парень из простой семьи, чьи родители, обычные советские ИТРы, были интеллигентами в первом поколении. И Володя Зубов – профессорский сынок, за которым тянулась длинная вереница славных предков, среди которых и министры, и генералы, и писатели, и дипломаты. Кантемир, выросший в унылом рабочем районе где-то на востоке города, и Зубов, родившийся в знаменитом Грауэрмане на Собачьей площадке и редко когда выбиравшийся за пределы Садового кольца. На одной стороне – футбол, курение тайком и мелкое хулиганство, на другой – книги, книги, книги. За первые шестнадцать лет своей жизни Володя Зубов прочитал множество книг, в его памяти хранилось огромное количество самых разнообразных сведений – названия и столицы всех стран мира, имена великих деятелей и даты исторических событий, стихи и проза, философия и медицина, английский, французский и даже немного латынь. Федор и Владимир представляли собою два типа людей, радикально различавшихся по способу освоения окружающей действительности. Один черпал опыт прямо из жизни, другой – обо всем узнавал из книг. Ничего не было у них общего, и все же, когда Федор и Володя познакомились на вступительных экзаменах в институт, они сразу почувствовали друг к другу приязнь. «Ведь я его любил, – думал Федор, – как брата любил...»

Автомобиль притормозил у Театра Сатиры, Федор расплатился и вышел. Постоял несколько минут на тротуаре, дождался пока такси уедет, потом быстро перебежал на противоположную сторону, где высилось здание в стиле сталинского классицизма. Когда он вошёл в ресторан, к нему сразу устремилась миловидная девушка-метростель с папкой в руках.

– Здравствуйте! – сказала она, улыбаясь. – Вы заказывали столик?

– Да, – ответил Федор, скидывая плащ.

– Ваша фамилия?

– Белоусов.

Девушка провела Федора в зал и усадила за столик в дальнем углу. Он сел лицом к входу и осмотрелся. «Вроде все, как было, – подумал Кантемир, оглядывая большой зал, неудобный и темноватый, – но что-то всё-таки изменилось». Куда-то девался прежний советский шик, все вокруг как-то скукожилось и слиняло. Знаменитый ресторан напоминал теперь обедневшего аристократа, которому неожиданно пришлось пойти работать.

Публики в зале было немного. Неподалеку от Кантемира за длинным столом угрюмо ужинала группа коротко стриженных молодых людей быковатого типа. Один из них скользнул взглядом по Кантемиру и отвернулся. Федор погладил в кармане пистолет. В те дни в городе нередко случались бандитские разборки со стрельбой. За несколько дней до того один из товарищей Кантемира – старший лейтенант Боков был случайно ранен в казино, где братва устроила перестрелку. «Будь я на его месте, – думал Федор, – посадил бы кому-нибудь из этих уродов

пулю в живот, совсем распоясалась сволочь». Капитан не любил блатных, но ещё больше он не любил оказываться в ситуациях, которые не контролировал.

Подошёл официант, и Федор заказал джин с тоником. До назначенного времени оставалось ещё почти полчаса. Кантемир всегда приходил заранее и осматривал место встречи, даже если она была незначительной. Прибыл джин. Федя сделал большой глоток...

...В институте Федор каждый год в апреле отмечал свой день рождения. В один из выходных дней он отправлял маму Альбину Федоровну на дачу (папа Петр Васильевич к тому времени уже умер) и собирал у себя компанию из десяти-двенадцати особо буйных однокашников. Участники застолья делали посильные денежные взносы, и на собранные средства на рынке закупалось большое количество мяса. С утра в день торжества на квартиру Кантемиров заезжала передовая группа в составе Володи Зубова, Ильи Геснера и Сереги Полукарова. Эта троица вместе с Федором приступала к лепке пельменей. Счёт шёл на сотни. Готовая продукция складировалась в просторной морозилке холодильника «Розенлев», который брат Альбины Федоровны – капитан дальнего плавания Матвей Федорович купил в «Березке» за чеки Внешпосылторга. Затем подтягивались остальные члены команды, подвозившие огромное количество водки и пива. Водку убирали в тот же холодильник, а пива бывало так много, что его приходилось класть в ванну, наполненную ледяной водой. Верховодил всем, понятное дело, Федор. Он поступил в институт после армии и поэтому был старше большинства сокурсников и посматривал на «салабонов» немного свысока. Наконец, где-то часа в два дня пополудни, заседание объявлялось открытым, пельмени съедались под водку с пивом и под умные разговоры. Володька Зубов иронично называл эти застольные беседы «апрельскими тезисами». Кто-то обязательно напивался, блевал, падал под стол или лез драться, но все это не портило впечатления от славных попоек, овеянных духом мужского студенческого братства. Девушек Федор на свои дни рождения обычно не приглашал, но в тот год решил, что апрельский сбор будет подходящим случаем, чтобы показать обществу свою подругу... Володька и Наташа столкнулись в коридоре. Девушка только что вошла в квартиру, и Федор помогал ей раздеться. В этот момент Зубов вышел из ванной комнаты с гроздью мокрых пивных бутылок в руках. «Привет!» – сказал он. «Привет!» – ответила ему Наталья. И все. И больше ничего. Только лёгкая рябь пробежала по поверхности времён тихо стоящих, и Федор ощутил какую-то смутную тревогу. А, может быть, это ему теперь так казалось. А тогда ничего он не почувствовал, потому что был ослеплён своей удачей, любовью и счастьем. Нет, он ничего не заметил. Все было, как обычно, еда, выпивка, веселье, тосты. А потом, когда все разошлись, была любовь с Наташкой. Незащищённый секс. И он кончил в неё. «Ты что, обалдел?» – прошипела она и побежала подмываться. Другое семя было посеяно в тот день – семя измены. Федор снова почувствовал, как от этих воспоминаний в нем закипает злость. Он допил свой джин и заказал ещё...

...После того памятного дня рождения внешне ничего не изменилось. Он только помнил, что Наташа стала иногда спрашивать, как поживают его товарищи. В этом не было ничего странного. Только вот почему-то разговор всегда переходил на Зубова. Например, однажды она поинтересовалась, есть ли у Володи девушка. «Не знаю», – отвечал Федор. – «Ну, вот! – насмешливо говорила Наташа. – Друзья называется! Ничего друг о друге не знает!» – «А почему я должен знать?» – удивлялся Федор. – «Если человек – твой близкий друг, ты должен знать, что его волнует и что интересует», – назидательно говорила его подруга. – «Книжки его интересуют», – снисходительно отзывался Федя. – «Вот! Интеллигентный человек, – поднимала палец Наташа. – А тебя что интересует?» – «Ты меня интересуешь!» – кричал Федор и начинал хватать Наташу за мягкие места. Она заливисто смеялась и уворачивалась от Федькиных лап, но не слишком старательно. И разговор о Зубове на время прерывался.

...Федор посмотрел на часы. Человек, которого он ждал, опаздывал, а капитан Кантемир этого не любил. «Что он себе позволяет!» – подумал он с раздражением и заказал себе ещё джинну...

...В марте 1986 года Федор и Наташа, наконец, поженились. Расписались в ЗАГСе на Ленинградском проспекте, а банкет устроили в этом самом ресторане. Гостей было человек пятьдесят, некоторых из них Федор увидел в первый и последний раз. Получилась вполне обычная советская свадьба с хлебом-солью, похищением невесты, выкупом и прочей чепухой. Федор сильно напился, и в первую официальную ночь секса с женой у него не было. Впрочем, он не очень на этот счёт расстраивался. Через день молодые отправились в короткое свадебное путешествие в Ригу, где и навестали... Но кое-что омрачало счастливые воспоминания Кантемира о поездке на взморье. Правда, связано это было не с Зубовым, а с... КГБ. Ещё в институте Федя Кантемир стал осведомителем. Его отношения с органами были не менее сложными и увлекательными, чем его отношениями с женщинами. Федя рос в семье простых инженеров без денег и связей и к восемнадцати годам уже хорошо понимал, что, если будет просто катиться по проложенным рельсам, то впереди его ждёт довольно серая жизнь. Высшими достижениями в ней будут малогабаритная квартира в панельной многоэтажке, «дача» – фанерная халупа на шести сотках в пятидесяти километрах от Москвы и «Запорожец». Между тем, как и многие люди, в глубине души Федя Кантемир считал себя выдающимся человеком, заслуживающим удивительной судьбы. Но при этом полагаться исключительно на индивидуальные усилия ему казалось ненадёжным. Он мечтал стать частью силы, которая поддержала бы его и подняла над толпой. Идеи при этом не имели особого значения, главное чтобы это была могущественная, внушающая почтение и страх организация. Вариантов в позднебрежневском Союзе было немного, а если уж быть совсем точным, то всего два – вооружённые силы и спецслужбы. Военных Федька всегда недолюбливал, считал их туповатыми. А вот кэгебисты – совсем другое дело, поэтому он их и выбрал. Однако из разговоров с друзьями и знакомыми Федька знал, что в Комитете не очень жалуют «инициативников», относятся к ним снисходительно и, как правило, не дают хода. Всевидящий и всеведущий КГБ сам находил тех, кто был ему нужен. Значит, следовало привлечь к себе внимание, и Федька придумал, как это сделать. Единственный предмет, который Кантемир любил и по которому хорошо успевал и в школе, и в институте, был английский язык. Ко второму курсу Федор говорил почти как native speaker. Он холил и лелеял свой английский: много читал и использовал любую возможность, чтобы попрактиковаться. Ходил на всевозможные торговые и промышленные выставки просто для того, чтобы поговорить с носителями языка. Связался с Обществом дружбы народов, и его стали приглашать на встречи и диспуты с делегациями иностранных студентов, приезжавшими в Союз. На последнем курсе стал подрабатывать гидом на ВДНХ, водил экскурсии и рассказывал иностранцам о достижениях народного хозяйства. Федор знал, что, где бы он ни встречался с иностранцами, рядом всегда были люди из Комитета, в поле зрения которых он мог попасть. Так оно и случилось. В апреле 1983 года, когда Федя учился на третьем курсе, ему позвонили и пригласили прийти в приёмную КГБ в Фуркасовском переулке. Там его встретил обходительный молодой человек с незапоминающейся внешностью, который представился Сергеем Ивановичем. Он предложил Федору сотрудничать. «Пока на общественных началах», – сказал Сергей Иванович. Кантемир согласился. Так началась его карьера в органах госбезопасности. Несколько лет это было совершенной тайной. Федор не рассказал о визите на Фуркасовский никому, даже матери. И только женившись на Наталье, он решился, наконец, ей открыться. Та встретила известие довольно холодно. Очевидно, мысль, что она все эти годы спала со стукачом, её не грела. Разумеется, ни сама Наташа, ни её родители не были диссидентами, они были мирными обывателями. Но, как большинство советских интеллигентов, они испытывали к безопасности смешное чувство страха и брезгливости.

– Ты и обо мне... сообщал? – поинтересовалась Наташа.

– Н-е-е-т, – смутился Федор. – Чего о тебе сообщать-то?

– А если бы было? – криво усмехнулась девушка. – Может, я голоса вражеские слушаю.

– Да, ладно... – попытался замять разговор Федор.

– А анкету мою не надо было проверить? С кем это собирается жить сотрудник органов? Вдруг я еврейка?

– Иди ты в жопу! – огрызнулся Кантемир.

– Слушай, а на своих друзей ты информацию даёшь? Сигнализируешь? На Зубова, например?

– Иди к черту! – повторил он зло. На том разговор тогда и закончился...

Это был больной для Федора вопрос. Среди его студенческих приятелей было немало досужих говорунов, любивших потрепать языком. И среди них первейший фрондер был Володька Зубов. Федя иногда просто поражался его беспечности, на Вовку при желании в два счёта можно было слепить дело по статье о распространении сведений, порочащих советский государственный и общественный строй. «Ох, ребята, по краю ходите», – думал иногда Федька, слушая в курилке очередной политической анекдот о «дорогом Леониде Ильиче». Вопрос о том, стучать или не стучать на своих однокурсников, Кантемир решил для себя быстро. Он рассудил, что, кроме него, в институте, наверняка, есть и другие комитетские уши. И если он не будет писать, то об этом скоро станет известно там.

...Кантемир увидел человека, которого ждал. Тот вошёл в зал и стоял теперь, озираясь, весь какой-то нескладный и растрёпанный. Это был худой сутулый мужчина средних лет, в мешковатом мятом костюме. Фамилия его была Коробчинский, и служил он в одной шарашкиной конторе, громко именовавшей себя «институтом». Этот самый «институт» занимался тем, что писал программы спасения России всем, кто готов был за это заплатить. Среди клиентов этот «мозгового треста» было немало оппозиционных политиков, за которыми надо было присматривать...

...Мужчина тоже заметил Федора и помахал ему рукой, Кантемир в ответ слегка кивнул головой. Коробчинский пробрался к столику, за которым сидел Кантемир, и уселся напротив.

– Здравствуйте, Сергей Иванович! – почтительно произнёс Коробчинский.

Кантемир никогда не называл осведомителям своего настоящего имени и представлялся так, как когда-то представился ему человек в Фуркасовском переулке, – Сергеем Ивановичем.

– Ну, рассказывайте, что у вас случилось? – спросил Федор, глядя в пустой стакан.

– Вы знаете, назрела, мне кажется, необходимость поговорить... концептуально.

«Идиот!» – подумал Кантемир. У Федора не было ни малейшего желания разговаривать «концептуально», и он быстро сплавил Коробчинского, строго наказав ему не являться больше без конкретной информации. После того, как тот ушёл, Кантемир принял ещё джину и стал думать, что делать дальше. Время утекало тихо и бессмысленно. «Может, позвонить Булочке?» – подумал Федор. Булочкой он называл свою нынешнюю подружку Машу – невысокую голубоглазую блондинку с большой мягкой попой. Булочка была без ума от Кантемира и принимала его в любое время дня и ночи...

...Но память упрямо вела захмелевшего Кантемира в другом направлении – не на Юго-Запад, где жила Булочка, а на восток – в Перово, где они с Натальей сняли после свадьбы крошечную однокомнатную квартирку. Там однажды Федор обнаружил в почтовом ящике письмо, адресованное жене. Почерк, которым был написан адрес, показался ему знакомым, но он не сразу вспомнил, где он видел эти красиво выписанные буквы и завитки?... А потом его вдруг осенило – Зубов! Это же его почерк! Кому как не Федору, списавшему у Володьки километры лекций, конспектов и контрольных, было этого не знать. Федя задумчиво повертел конверт в руках. Письмо было адресовано не Феде и Наташе, а только Наташе. Обратный адрес и имя отправителя не указаны. Все это говорило о том, что послание личное и секретное. Сам Федор никогда ни с кем в переписке не состоял. Зачем, если можно просто по телефону позвонить? Но вот, поди ж ты! Охота ему бумагу марать! Писатель! Федор злился. Ему страшно хотелось узнать, что там внутри. Но хотя Федор Кантемир был человеком простым, все же несколько правил ему в детстве вдолбили. Одно из них гласило: нельзя читать чужие

письма. Можно было, конечно, порвать послание, не читая. Но тогда Федор признал бы, что боится того, что в письме, а это не по-мужски. Оставалось одно: вручить письмо жене и потребовать объяснений. Федька решил так и сделать. Он твёрдым шагом двинулся вверх по лестнице на второй этаж, но перед дверью квартиры решимость вдруг оставила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.